

Карл Густав
ЮНГ
Очерки
по психологии
бессознательного

COGITO
GENERE
LIT

Карл Густав Юнг

Очерки по психологии бессознательного (сборник)

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9370813

Психология бессознательного/ Пер. с англ. под общей редакцией В. В. Зеленского – Издание 2-е.:

КогитоЦентр; Москва; 2010

ISBN 978-5-89353-240-1, 0-691-09776-3

Аннотация

Работы, вошедшие в данную книгу, знаменуют поворотный пункт в истории аналитической психологии, здесь изложены основные положения, на которых зиждется большая часть поздних работ Карла Густава Юнга. Перевод осуществлен по 7 и 18 томам собрания сочинений Юнга, изданного Принстонским университетом.

Книга адресована специалистам – психологам, философам, историкам культуры – и всем, кто интересуется вопросами аналитической психологии.

Содержание

Предисловие редактора русского издания	5
I. Психология бессознательного	6
Предисловие к первому изданию	6
Из предисловия ко второму изданию	8
Из предисловия к третьему изданию[4]	9
Предисловие к пятому изданию[5]	10
I. Психоанализ	11
II. Теория эроса	18
III. Другая точка зрения: Воля к власти	25
IV. Проблема типа установки	32
V. Личное и коллективное (или трансличное) бессознательное	47
VI. Синтетический, или конструктивный, метод	58
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Карл Густав Юнг

Психология бессознательного

Carl Gustav Jung

THE COLLECTED WORKS
two essays on analytical psychology

PRINCETON UNIVERSITY PRESS 1989

Перевод с английского под общей редакцией В. В. Зеленского

Предисловие редактора русского издания

Настоящая публикация работ Юнга на русском языке – результат деятельности Информационного центра психоаналитической культуры. Данная книга соответствует 7-му тому собрания сочинений К. Г. Юнга и включает, помимо двух основных его работ «Психология бессознательного» и «Отношения между Эго и бессознательным», очерки «Структура бессознательного» и «Новые пути в психологии» – более ранние версии первых двух работ, вынесенные в приложение. Помимо этого, мы сочли уместным включить сюда и две небольшие работы из 18 тома собрания сочинений. Все эти работы, как пишут редакторы американского издания, «знаменуют поворотный пункт в истории аналитической психологии, поскольку представляют те основы, на которых зиждется большая часть более поздних работ Карла Густава Юнга».

Любому сколько-нибудь серьезному исследователю истории развития аналитического учения Юнга небезынтересна логика развития идей, связанных с данным направлением глубинной психологии. В этом отношении первоначальные версии более поздних работ имеют самостоятельное значение. В предлагаемых очерках мы встречаем первые пробные формулировки понятий архетипа, коллективного бессознательного, типа, а также объяснение сути конфликтов в психоаналитической школе на заре ее становления.

Перевод был осуществлен по изданиям: *Jung C. G. Two Essays on analytical psychology. Vol. 7 | The collected works of C. G Jung. Second edition. Princeton University Press, 1966; Jung C. G. Symbolical Life. Vol. 18 // The collected works of C. G Jung. Second edition. Princeton University Press, 1966.*

В. Зеленский

I. Психология бессознательного

Предисловие к первому изданию

Этот очерк¹ – результат моей попытки, предпринятой по просьбе издателя, внести изменения во второе издание работы «Новые пути в психологии»², вышедшей в 1912 г. в ежегоднике издательства Рашера.

Настоящая работа представляет собой расширенный и несколько измененный вариант прежней статьи. Первоначально я ограничился изложением одного существенного аспекта психологических взглядов, впервые изложенных Фрейдом. Многообразные и значительные изменения, произошедшие в психологии бессознательного за последние годы, вынудили меня существенно раздвинуть рамки моей прежней статьи. С одной стороны, я сократил ряд рассуждений о Фрейде, а с другой – принял во внимание работы Адлера и, насколько это представлялось возможным для настоящего сочинения, дал общий обзор своих собственных взглядов.

Я должен предупредить читателя о том, что здесь речь идет об исследовании, которое ввиду сложности своего материала требует значительного терпения и внимания. Я далек от мысли, что оно в каком-либо смысле является окончательным или абсолютно убедительным. Этому требованию могли бы соответствовать лишь обширные научные трактаты по каждой отдельно затронутой в этой работе проблеме. Читателю, желающему глубже вникнуть в поднятые здесь вопросы, я советую обратиться к специальной литературе. Мое намерение состоит лишь в том, чтобы очертить общую картину современных взглядов на сущность психологии бессознательного. Я считаю проблему бессознательного настолько важной и животрепещущей и настолько близко затрагивающей каждого, что, как мне кажется, было бы большой потерей, если бы она исчезла из поля зрения широко образованного читателя-непрофессионала и была бы приговорена к жалкому существованию на страницах какого-нибудь специального научного журнала, к призрачному пребыванию на библиотечных полках.

Психологические аккомпанементы нынешней войны³ – прежде всего невероятная жестокая деградация общепринятых суждений, взаимная клевета, небывалая страсть к разрушению, обильные потоки лжи и неспособность людей остановить кровавого демона, – как ничто другое, способны обратить взор мыслящего человека на проблему хаотического бессознательного, оцепеневшего под гнетом упорядоченного мира сознания. Эта война с неумолимостью предъявила культурному человеку обвинения в том, что он все еще варвар, и вместе с тем показала, какая кара уготована ему, если, скажем, ему еще раз взбрдет в голову возложить ответственность за свои собственные дурные качества на своего ближнего. Психология индивида отражается в психологии наций. То, что делает нация, делает и каждый отдельный человек, и, пока он это делает, нация поступает точно так же. Только изменение установки индивида может инициировать изменение психологии нации. Великие проблемы человечества никогда еще не решались с помощью всеобщих законов, но решались лишь с помощью возрождения установок отдельных людей. Если и было время, когда проявление самоосознания было безусловно необходимым и единственно правильным, то это наша современная катастрофическая эпоха. Но всякий размышляющий о самом себе наталкива-

¹ Die Psychologie der unbewußten Prozesse. Zürich, 1917.

² См. ниже.

³ Первая мировая война 1914–1918 гг. – *Примеч. ред.*

ется на границы бессознательного, которое как раз содержит прежде всего все то, что ему необходимо знать.

Кюснахт – Цюрих, декабрь 1916 г.

К. Г. Юнг

Из предисловия ко второму изданию

Я рад, что эта небольшая книга в столь короткий срок издается вторично, несмотря на те трудности, которые она, вероятно, доставила многим читателям ввиду сложности своего содержания.

Из многих сообщений и писем, которые я получил после ее выхода в свет, мне стало ясно, что интерес широкой публики к проблемам человеческой психики намного живее, чем я ожидал. Этот интерес можно было бы в немалой степени объяснить тем глубоким потрясением, которому наше сознание подверглось во время мировой войны. Видение этой катастрофы отшатывает человека с чувством полной беспомощности назад к себе самому; это чувство обращает его взгляд вовнутрь, и поскольку все вокруг шатается, то он ищет нечто, что обещает ему опору. Большинство еще ищут вовне; одни верят в иллюзию победы и победоносную силу, другие – в договоры и законы, а остальные – в разрушение существующего порядка. Еще слишком мало тех, кто ищет внутри, в своей самости, и тех, кто задает себе вопрос, не полезнее ли было бы в конце концов для общества, если бы каждый сначала попытался устранить старый порядок вещей, попрактиковавшись прежде всего на своей собственной личности и в своем собственном внутреннем государстве в применении тех законов, о которых он проповедует на каждом углу, – вместо того, чтобы требовать этого от окружающих. Каждому отдельному человеку необходимы революция, внутреннее разделение, разложение устойчиво существующего и обновление, а не навязывание всего этого окружающим под лицемерным предлогом христианской любви к ближнему или чувства социальной ответственности – или любых других красивых эвфемизмов для обозначения бессознательной жажды личной власти. Индивидуальное самосознание, возвращение индивида к основам человеческой природы, к своему собственному глубинному бытию со своей индивидуальной судьбой и есть начало исцеления от слепоты, которая правит сегодняшним днем.

Интерес к проблеме человеческой психики есть симптом этого инстинктивного возвращения к самому себе. Удовлетворению этого интереса и служит написанная книга.

Кюснахт – Цюрих, октябрь 1918 г. С.Г.Ю.

Из предисловия к третьему изданию⁴

Ввиду того что со времени выхода второго издания прошло семь лет, я счел необходимым внести в текст довольно значительные изменения и исправления: в особенности в главах о типах и о бессознательном. Главу «Развитие типов в аналитическом процессе» я полностью опустил, поскольку за это время данный вопрос был подробно разработан в моей книге «Психологические типы», к которой я и адресую заинтересованного читателя.

Апрель 1925 г. С. Г. Ю.

⁴ Zürich, 1926. Название было изменено: Das Unbewußte im normalen und kranken Seelenleben.

Предисловие к пятому изданию⁵

Прошло шесть лет с момента выхода последнего, не содержащего изменений издания; и мне показалось уместным подвергнуть новое издание книги о бессознательном основательному пересмотру. Это дало возможность устранить многие недостатки и излишества. Такой трудный и сложный материал, как психология бессознательного, служит источником не только новых открытий, но и в равной степени ошибок. Перед нами еще необозримая область неизведанного, куда мы пытаемся проникнуть опытными путями и, лишь пройдя немало окольных тропинок, открываем нужное направление. Хотя я старался изложить в тексте, насколько это возможно, максимальное количество новых точек зрения, все же читателю не следует здесь ожидать сколько-нибудь полного обзора всех основных моментов современного психологического знания в этой области. В этом общедоступном сочинении я излагаю лишь некоторые из наиболее существенных аспектов медицинской психологии, а также и мое собственное исследовательское направление, – и все это в качестве введения. Основательное знание не может быть приобретено иначе, как с помощью изучения специальной литературы, с одной стороны, и посредством практического опыта – с другой. Я в особенности хотел бы рекомендовать тем читателям, которые хотят получить знания в этой области, не только изучить ведущие труды по медицинской психологии и психопатологии, но также основательно просмотреть учебники по психологии. Это наиболее верный способ получить необходимое знание о месте и общем значении медицинской психологии.

Из этого сравнительного изучения станет понятно, насколько справедливы жалобы Фрейда на «непопулярность» его психоанализа и мое собственное ощущение, что я нахожусь в изоляции. Думаю, не будет преувеличением, если я скажу, что представления современной медицинской психологии имеют еще слишком мало доступа в академическую науку. Новые прогрессивные идеи, если они не достаточно привлекательны, утверждаются, как правило, на протяжении жизни одного поколения. Психологические новшества, возможно, требуют еще большего времени, так как в этой области, как ни в какой другой, практически каждый считает себя авторитетом.

Кюснахт – Цюрих, апрель 1942 г. С. Г. Ю.

⁵ Название изменено на: Über die Psychologie des Unbewußten.

I. Психоанализ

Если врач, прежде всего «специалист по нервным заболеваниям», или невропатолог, хочет помочь своему пациенту, он нуждается в психологическом знании, так как нервные расстройства и все то, что называют «нервностью», истерией и т. д., имеют психическое происхождение и соответственно требуют психотерапевтического лечения. Холодная вода, свет, воздух, электричество и т. д. в лучшем случае оказываются средствами, преходящими по своему исцеляющему воздействию, а порой и вовсе неэффективными. То, что заставляет больного страдать, – это его разум, и притом в сложнейших и высших функциях, которые теперь уже едва ли можно причислить к сфере медицины. Здесь врач должен быть психологом, а это означает, что он должен обладать знанием о человеческой психике.

В прошлом, пятьдесят лет назад, психологическая подготовка врача оставляла желать лучшего. Психиатрические учебники всецело ограничивались клиническими описаниями и систематизацией умственных расстройств, а преподаваемая в университетах психология была либо философией, либо так называемой «экспериментальной психологией», начало которой было положено Вильгельмом Вундтом⁶. Первые шаги в сторону развития психотерапии неврозов были предприняты школой Шарко в клинике Сальпетриер в Париже; Пьер Жане⁷ начал свои эпохальные исследования психологии невротических состояний, а Бернгейм⁸ в Нанси с большим успехом снова возродил старую и основательно подзабытую идею Льебо⁹ о лечении неврозов внушением. Книга Бернгейма, которую Зигмунд Фрейд перевел, вдохновила его на создание учения о психологии неврозов. В то время психологии неврозов и психозов еще не было, и именно Фрейду принадлежит великая заслуга ее основания. Он исходил из практического опыта лечения неврозов, т. е. из практики применения метода, который он назвал психоанализом.

Перед тем как перейти к более подробному изложению, следует кое-что сказать об отношении психоанализа к тогдашней науке. Здесь мы сталкиваемся с любопытной картиной, еще раз подтверждающей замечание Анатоля Франса: «*Les savants ne sont pas sages*» («Ученые нелюбопытны»). Первая серьезная работа¹⁰ по этой теме вызвала едва заметный отклик, хотя и дала совершенно новое представление о неврозах. Немногочисленные авторы высказались о ней в одобрительном тоне, что не помешало им же на следующей странице продолжить рассмотрение случаев истерии по-старому. Они вели себя примерно так же, как люди, признавшие идею того, что Земля имеет шаровидную форму, спокойно и продолжающие при этом представлять Землю в виде плоскости. Следующие публикации Фрейда вообще остались незамеченными, хотя они, в частности, содержали наблюдения, имевшие для психиатрии неопределимое значение. Когда в 1900 г. Фрейд впервые выпустил труд по психологии сновидений¹¹ (до этого в данной области царил полный мрак), это вызвало смех, а когда в 1905 г. он опубликовал книгу по психологии сексуальности¹² смех перешел в оскорбительное негодование. И не в последнюю очередь именно этот

⁶ *Wundt W.* Grundzüge der physiologischen Psychologie. 1902. 5. Aufl.

⁷ *L'Automatisme psychologique.* 1889. Рус. пер. – *Жане П.* Психический автоматизм. М., 1905; *Névroses et idées fixes.* 1898.

⁸ *Bernheim Hippolyte.* De la Suggestion et de ses applications à la thérapeutique. 1886. Переведено З. Фрейдом как: *Die Suggestion und ihre Heilwirkung.* 1888.

⁹ *Liébault A.A.* Du Sommeil et des états analogues considérés au point de vue de l'action du moral sur le physique. 1866.

¹⁰ *Breuer Josef, Freud S.* Studien über Hysterie. 1895.

¹¹ *Freud S.* Die Traumdeutung. 1900.

¹² *Freud S.* Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie, 1905. Рус. пер. – *Фрейд З.* Три очерка о психологии сексуальности. М.: Изд-во АН СССР. 1989.

взрыв возмущения научной общественности способствовал «нежелательной» известности теории Фрейда, вышедшей далеко за пределы научных интересов.

Соответственно и мы должны более внимательно взглянуть на эту новую психологию. Уже во времена Шарко было известно, что невротический симптом имеет «психогенный» характер, т. е. берет свое начало в психическом. Благодаря работам школы Нанси было известно также, что любой истерический симптом может быть вызван путем суггестии. А исследования Жане вскрыли психомеханические условия такого нарушения функций истерического характера, как анестезия, парез, паралич и амнезия. Однако не было известно, каким образом истерический симптом проистекает из психического; психические каузальные связи были совершенно неизвестны. В начале 80-х годов д-р Брейер, венский врач старой школы, сделал открытие, ставшее, собственно говоря, началом новой психологии. У него была одна пациентка – молодая, очень интеллигентная женщина, которая страдала истерией, проявлявшейся, помимо других, в следующих симптомах: спастическом (сковывающем) параличе правой руки, возникающем время от времени «помрачении», или сумеречном состоянии разума; она также утратила способность к речи настолько, что уже не могла изъясняться на своем родном языке, но была еще способна говорить по-английски (систематическая афазия). В то время существовали попытки выдвинуть анатомические теории подобных расстройств, хотя мозговой (кортикальный) центр, обеспечивающий функцию руки, не показывал каких-либо нарушений и соответствовал деятельности нормального человека – симптоматология истерии полна анатомических несоответствий. Одна дама, полностью потерявшая слух в результате истерического аффекта, имела обыкновение довольно часто петь. Однажды во время такого пения ее врач незаметно сел за фортепиано и стал ей тихо аккомпанировать. При переходе от одного куплета к другому он внезапно изменил тональность, в ответ пациентка, сама не замечая этого, стала петь дальше в измененной тональности. Выходило, что она слышит и... не слышит. Различные формы систематической слепоты имеют сходные проявления: мужчина, страдавший от полной истерической слепоты, снова обрел способность видеть в процессе лечения, но вначале лишь частичную и на довольно длительный период. Это выражалось в том, что он видел все, за исключением человеческих голов. Всех окружающих людей он видел без голов. Получалось, что он видел и... не видел. Благодаря большому числу подобного рода наблюдений было установлено, что лишь сознательный разум пациента не видит и не слышит, тогда как в остальном функция зрения находится в полном порядке. Эти факты прямо противоречат природе органического расстройства, которое всегда влечет за собой действительное нарушение функции.

После такого отступления вернемся к случаю, приведенному Брейером. Органические причины нарушения отсутствовали; случай поэтому следовало понимать как истерический, т. е. психогенный. Брейер заметил, что когда он заставлял пациентку во время ее сумеречных состояний (искусственно вызванных или спонтанных) рассказывать о своих навязчивых воспоминаниях и фантазиях, то ее последующее состояние в каждом случае на несколько часов облегчалось. Это наблюдение он систематически использовал при дальнейшем лечении. Пациентка придумала для этого удачное название «talking cure»¹³ или в шутку также «chimney sweeping»¹⁴.

Пациентка заболела, когда ухаживала за смертельно больным отцом. Естественно, что ее фантазии были целиком связаны с переживаниями этих драматических дней. В сумеречных состояниях реминисценции того времени снова проступали с фотографической точностью; они были чрезвычайно живыми, вплоть до мельчайших деталей, к такой детализации вряд ли способна бодрствующая память. (Это не так уж редко встречающееся обострение

¹³ Лечение разговором (англ.).

¹⁴ Чистка дымохода (англ.).

способности воспоминания в состояниях сужения сознания называют «гипермнезией».) И здесь обнаружили удивительные вещи. Одну из множества произошедших с ней историй можно изложить так.

Однажды ночью она находилась рядом с больным, которого сильно лихорадило, в тревоге и напряженном ожидании, так как из Вены должен был приехать хирург, чтобы сделать операцию. Мать на некоторое время ушла, и Анна (пациентка) находилась у постели больного, положив правую руку на спинку стула. Она стала грезить наяву и увидела, как от стены к больному приближается черная змея, чтобы укусить его. (Весьма вероятно, что на лугу позади дома действительно встречались змеи, которых девушка пугалась и которые теперь давали материал для галлюцинаций.) Она хотела отогнать это существо, но почувствовала, что парализована; правая рука, свисавшая со спинки стула, словно онемела, лишилась чувствительности и способности двигаться, и, когда она смотрела на нее, пальцы превращались в маленьких змей с мертвыми головами. Вероятно, она пыталась прогнать змею парализованной правой рукой, в связи с чем потеря чувствительности и двигательной способности руки оказались в ассоциативной связи с галлюцинацией со змеями. Когда змея исчезла, девушка так испугалась, что пыталась молиться, но язык не шевелился, она не могла произнести ни слова до тех пор, пока наконец не вспомнила один английский детский стишок, после чего смогла продолжать думать и молиться по-английски.

Такова была обстановка, из которой развились паралич и нарушение речи; по ходу рассказа об этой ситуации устранялось и само нарушение. И таким способом, судя по всему, этот случай закончился излечением.

Здесь я вынужден ограничиться одним лишь примером. В упомянутой мной книге Брейера и Фрейда подобных примеров приведено множество. Понятно, что ситуации такого рода производят весьма впечатляющее воздействие, и поэтому люди склонны допускать их каузальное значение в возникновении симптома. Господствовавшая тогда в учении об истерии английская теория «нервного шока», энергично поддерживаемая Шарко, была способна объяснить открытие Брейера. Отсюда возникла так называемая теория травмы, согласно которой истерический симптом в той степени, в какой симптомы в их совокупности составляют болезнь – истерию вообще, вытекает из психических повреждений или травм, следы которых бессознательно сохраняются годами. Фрейд, работавший в это время с Брейером, мог весьма основательно подтвердить полученное открытие. Оказалось, что ни один из сотен истерических симптомов не возникает случайно, а всегда имеет причину в психических событиях. В этом отношении новая концепция открывала простор для эмпирической работы. Но пытливый ум Фрейда не мог долго оставаться на этом поверхностном уровне, ибо уже возникали более глубокие и более трудные проблемы. Вполне понятно, что моменты сильного беспокойства, подобные тем, которые переживала пациентка Брейера, могут оставлять долго сохраняющееся впечатление. Однако как она вообще пришла к подобным переживаниям, которые сами по себе уже свидетельствуют о печати патологии? Может быть, это было вызвано напряженным уходом за больным? Но тогда подобное должно было бы случаться гораздо чаще, ибо, к сожалению, необходимость напряженного ухода за больными не редкость, а нервное здоровье сиделки и без того не всегда бывает на высоте. На эту проблему в медицине есть замечательный ответ: «Х в вычислении – это предрасположенность». Некто «предрасположен» именно к таким проявлениям. Но для Фрейда проблема заключалась в том, что составляет предрасположенность? Этот вопрос логически вел к исследованию предыстории психической травмы. Ведь мы часто наблюдаем, как вызывающие нервное возбуждение сцены весьма по-разному воздействуют на различных свидетелей или как вещи, которые одним безразличны или даже приятны, другим внушают величайшее отвращение, например лягушки, змеи, мыши, кошки и т. д. Случается, что женщины спокойно ассистируют при кровавых операциях, однако прикосновение кошки заставляет их содро-

гаться всем телом от ужаса и отвращения. Мне известен случай одной молодой женщины, которая страдала тяжелой истерией, последовавшей после неожиданного испуга. Она была однажды на званом вечере, и, когда около 12 часов ночи возвращалась домой в сопровождении нескольких знакомых, вдруг сзади на них быстрой рысью выскочил экипаж. Все, кроме нее, отступили в сторону; она же, гонимая страхом, осталась на середине улицы и побежала прочь прямо перед лошадьми. Кучер щелкал кнутом и выкрикивал ругательства, но тщетно: она пробежала вниз всю улицу, которая вела к мосту. Там силы ее оставили, и, чтобы не попасть под лошадей, она в полнейшем отчаянии хотела прыгнуть в реку, однако прохожим удалось ей помешать. Эта же самая дама в С.-Петербурге, в кровавый день 22 января 1905 г.¹⁵, оказалась случайно на улице, которую солдаты как раз «очищали» залповым огнем. Справа и слева от нее падали убитые и раненые; она же, сохраняя полнейшее спокойствие и присутствие духа, заметила ведущие во двор ворота, через которые ей удалось выбраться на другую улицу и спастись. Эти страшные мгновения не вызвали у нее впоследствии никаких переживаний. Она чувствовала себя в дальнейшем вполне здоровой и пребывала даже в лучшем расположении духа, чем обычно.

Принципиально схожие реакции можно наблюдать достаточно часто. Отсюда с необходимостью следует, что интенсивность травмы сама по себе патогенетически весьма мало значима, но травма как таковая имеет для пациента особое значение. Нельзя сказать, что шок сам по себе при любых обстоятельствах имеет патогенный характер, напротив, чтобы оказать свое действие, он должен сочетаться с некоторой особой психической предрасположенностью, которая при определенных обстоятельствах выражается в том, что пациент бессознательно придает шоку особое значение. Здесь мы обнаруживаем вероятный ключ к тайне «предрасположенности». Поэтому нам следует спросить себя: каковы особые обстоятельства той сцены с экипажем? Страх пациентки возник тогда, когда она услышала топот приближающихся лошадей; ей на мгновение показалось, что здесь кроется страшный злой рок – ее смерть или нечто ужасное; в следующий момент она уже совсем потеряла рассудок.

Действительное воздействие исходило, очевидно, от лошадей. Предрасположенность пациентки к тому, чтобы столь нелепым образом отреагировать на это незначительное событие, могла состоять в том, что лошади для нее означают нечто особенное. Можно было бы предположить, что она, например, однажды пережила какой-либо связанный с лошадьми опасный случай. Так на самом деле и оказалось. Однажды, когда ей было около семи лет, она каталась со своим кучером в карете; лошади испугались и понеслись по направлению к высокому и крутому берегу реки. Кучер спрыгнул и кричал ей, чтобы она сделала то же самое, на что она из-за смертельного страха никак не могла решиться. Но в последний момент она все же спрыгнула, после чего лошади рухнули вниз вместе с каретой, которая разбилась вдребезги. То, что подобное событие оставляет глубокое впечатление, едва ли нуждается в доказательстве. Однако это не объясняет, почему впоследствии вполне безобидный намек на сходную ситуацию вызвал столь неадекватную реакцию. Пока нам известно лишь то, что возникший впоследствии симптом имел свой пролог еще в детстве. В чем здесь состоит патология, пока неясно. Чтобы проникнуть в эту тайну, нам нужна дополнительная информация. С накоплением опыта стало ясно, что во всех до сих пор проанализированных случаях наряду с травматическими жизненными событиями имеют место особого рода расстройства, относящиеся к области любви. Любовь, как известно, – понятие растяжимое, простирающееся от небес до преисподней, объединяющее добро и зло, высокое и низкое. Взгляды Фрейда по этому вопросу существенно изменялись со временем. Если раньше, находясь в известной мере под влиянием теории Брейера о травмах, он искал причины неврозов в травматических переживаниях, то теперь центр тяжести проблемы сместился совершенно в другую сторону.

¹⁵ 9 января по новому стилю.

Наш случай иллюстрирует это лучше всего: мы прекрасно понимаем, что лошади, пожалуй, могли играть в жизни пациентки особую роль, но мы не понимаем более позднюю, столь преувеличенную и неуместную реакцию. Патологическая специфика этой истории заключается в том, что она испугалась вполне безобидных лошадей. Зная о том, что часто наряду с травматическими жизненными событиями имеет место и любовное расстройство, следовало бы выяснить и в данном случае, не имеем ли мы, может быть, дела с чем-либо особым в этом отношении.

Дама знакома с одним молодым человеком, с которым намерена заключить помолвку; она любит его и надеется быть с ним счастливой. Больше пока узнать ничего не удастся. Однако отрицательный результат поверхностного опроса не должен нас смущать, и нам следует продолжить исследование. Когда прямой путь не достигает цели, имеются окольные пути. Вернемся поэтому снова к тому самому моменту, когда дама бежала перед лошадьми. Мы осведомляемся об участниках званого вечера и о том, что это было за торжество, в котором она участвовала; это был прощальный ужин в честь ее лучшей подруги, которая, чтобы поправить расстроены нервы, на долгое время отправлялась на заграничный курорт. Подруга замужем и притом, как мы слышим, счастлива; есть у нее и ребенок. К сообщению о том, что подруга счастлива, мы вправе отнестись с недоверием; ведь если бы это действительно было так, то у нее, вероятно, не было бы причин быть «нервной» и отправляться на лечение. Задавая вопросы по поводу других обстоятельств, я узнал, что пациентка, когда ее догнали знакомые, была снова доставлена в дом хозяина, принимавшего гостей, так как в столь позднее ночное время это было самым правильным решением. Там ее, находящуюся в состоянии изнеможения, радушно встретил хозяин. Здесь пациентка прервала свой рассказ, запнулась и, смутившись, попыталась сменить тему. Очевидно, дело коснулось какого-то неожиданно всплывшего неприятного воспоминания. После того как упорное сопротивление больной удалось преодолеть, выяснилось, что той же ночью произошло еще нечто весьма примечательное. Гостеприимный хозяин страстно признался ей в любви, из-за чего возникла ситуация, которую ввиду отсутствия хозяйки дома можно было бы рассматривать как неловкую и тягостную. Это признание в любви, по утверждению пациентки, было для нее как гром среди ясного неба. Однако подобные вещи обычно имеют свою предысторию. Работа следующих недель состояла в том, чтобы шаг за шагом расследовать всю длинную любовную историю, пока не получилась полная картина, которую я попытаюсь обрисовать приблизительно следующим образом.

В детстве пациентка имела совершенно мальчишеский характер, любила только бурные мальчишеские игры, презирала свой собственный пол и избегала каких бы то ни было свойственных своему полу форм поведения и занятий. С наступлением половой зрелости, когда эротические проблемы приблизились, она стала избегать общества, ненавидела и презирала все, что хотя бы отдаленно напоминало о биологическом предназначении человека, и жила в мире фантазий, не имевшем ничего общего с грубой реальностью. Так примерно до 24 лет она избегала каких бы то ни было приключений, надежд и ожиданий, которые обычно в этом возрасте глубоко волнуют девичье сердце. Но затем она познакомилась с двумя молодыми людьми, которым, видимо, было суждено прорвать окружающую ее колючую изгородь. Господин А. был супругом ее тогдашней лучшей подруги; господин В. был его холостым приятелем. Оба ей нравились. Однако вскоре ей показалось, что господин В. ей нравится гораздо больше. Вследствие этого между ней и господином В. быстро установились близкие отношения, и даже шла речь о возможной помолвке. Благодаря своим отношениям с господином В. и со своей подругой она часто встречалась и с господином А., чье присутствие ее нередко необъяснимым образом возбуждало и нервировало. Примерно в то же время пациентка оказалась на большом званом вечере. Присутствовали там и ее знакомые. Пациентка была задумчива и мечтательно играла своим кольцом, которое вдруг соскочило с ее пальца

и укатилось под стол. Оба молодых человека стали искать его, и господину В. повезло его найти. Он с многозначительной улыбкой надел кольцо ей на палец и сказал: «Вы знаете, что это означает!» Тогда ее охватило странное, непреодолимое чувство; она сорвала кольцо с пальца и выбросила его в открытое окно. Наступил неловкий момент, что легко понять, и вскоре пациентка, глубоко расстроенная, покинула общество. После этого во время летнего отпуска на курорте случай свел ее с господином и госпожой А., где они также отдыхали. У госпожи А. в то время явно начали расстраиваться нервы, вследствие чего она из-за недомоганий часто оставалась дома. Пациентка поэтому имела возможность гулять вдвоем с господином А. Однажды они катались в маленькой лодке. Пациентка веселилась настолько бурно, что внезапно упала за борт. Плавать она не умела, так что господин А. лишь с трудом смог ее спасти и поднял ее, находящуюся в полуобморочном состоянии, в лодку. После чего он ее поцеловал. Этот романтический эпизод закрепил ее привязанность. Однако пациентка не позволяла себе осознать глубину своей страсти, очевидно, потому, что она уже давно приучала себя к тому, чтобы проходить мимо таких вещей, а еще лучше – бежать от них. Чтобы оправдать себя в своих глазах, она с еще большей энергией стала стремиться к помолвке с господином В., страстно убеждая себя каждый день в том, что любит господина В. Естественно, эта забавная игра не могла ускользнуть от острого взора ревнивой супруги. Госпожа А., ее подруга, догадалась об этой тайне и страдала, увеличивая тем самым свою нервозность. В развитии сюжета возникла необходимость поездки госпожи А. за границу на лечение. На прощальной вечеринке злой дух подступил к нашей пациентке и прошептал ей на ухо: «Сегодня вечером он будет один. С тобой что-нибудь произойдет, так что ты окажешься в его доме». И вот так и случилось: с помощью своего странного поступка она оказалась в его доме и получила то, чего хотела.

После такого разъяснения, пожалуй, любой будет склонен предположить, что только дьявольская изощренность может выстроить подобную цепь обстоятельств. Сомнений относительно изощренности действительно нет; под сомнением, однако, остается ее моральная оценка, и потому я должен подчеркнуть, что мотивы этого драматического представления никоим образом не осознавались пациенткой. Все это случилось с ней как бы само собой, без каких-либо осознанных мотивов. Но предшествующая история делает совершенно очевидным то, что все бессознательно было направлено к этой цели, тогда как разум трудился над тем, чтобы добиться помолвки с господином В. Бессознательное влечение, действовавшее в другом направлении, оказалось сильнее.

Здесь мы снова возвращаемся к нашему первоначальному вопросу, а именно к тому, чем, собственно, определяется патологический характер (странность, преувеличенность) реакции на травму. На основании вывода, сделанного из аналогичного опыта, мы предположили, что и в данном случае, помимо травмы, имеет место нарушение эротической сферы. Это предположение полностью подтвердилось, и это научило нас тому, что травма, служащая предлогом причины болезни, есть не более чем толчок к тому, чтобы проявилось нечто ранее не осознававшееся, а именно существенный эротический конфликт. Соответственно травма теряет свое исключительное значение, и место теории травмы занимает более глубокое и исчерпывающее представление, где в качестве патогенного фактора выступает эротический конфликт.

Часто можно услышать вопрос: почему именно эротический конфликт должен быть причиной неврозов, а не какой-либо другой? На это можно только ответить: никто не утверждает, что так и только так должно быть; однако оказывается, что часто бывает именно так. Несмотря на многочисленные возмущенные заверения в обратном, остается фактом, что любовь¹⁶ с ее проблемами и конфликтами имеет фундаментальное значение для челове-

¹⁶ Мы используем это слово в широком смысле, который включает не только сексуальность. Тем самым вовсе не утвер-

ской жизни и, как показывает внимательное исследование, имеет гораздо большее значение, чем это предполагает сам индивид.

Теорией травмы больше не пользуются, поскольку она устарела; ибо с пониманием того, что не травма, а скрытый эротический конфликт есть источник невроза, травма теряет свое каузальное значение¹⁷.

ждается, что любовь и ее расстройства являются единственным источником невроза. Такие расстройства могут носить вторичный характер и быть обусловлены более глубокими причинами. Существуют и другие возможности стать невротиком.

¹⁷ Исключение составляют неврозы непосредственно травматического происхождения, такие, как шок после взрыва (Granatschock), «railway spine» [букв. – «железнодорожный костыль» (англ.); здесь, видимо, имеется в виду шок типа «столбняка»].

II. Теория эроса

В свете этого открытия вопрос о травме был разрешен самым неожиданным образом; но вместо этого возникла проблема эротического конфликта, который, как показывает наш пример, содержит множество отклонений от нормы и поэтому на первый взгляд не допускает сравнения с обычным эротическим конфликтом. Самым необычным и почти невероятным здесь оказывается то, что осознается лишь внешний предлог, в то время как сама реальная страсть пациентки остается скрытой от нее самой. В данном случае, однако, бесспорно то, что действительное отношение осталось скрытым в тени, а фальшивое, кажущееся отношение, напротив, всецело доминировало в поле сознания. Если сформулировать эти факты теоретически, то получится примерно следующий результат: при неврозе наличествуют две тенденции, совершенно противоположные друг другу, одна из которых бессознательна. Это положение намеренно сформулировано в общих терминах, ибо я хотел этим подчеркнуть, что патогенный конфликт носит личный характер, но он одновременно и общечеловеческий, проявившийся через индивида, ибо отсутствие единства с самим собой есть признак цивилизованного человека. Невротик – лишь особый случай находящегося в разладе с самим собой человека, который должен был бы гармонизировать природу и культуру внутри себя.

Рост культуры состоит, как мы знаем, в прогрессирующем обуздании животного начала в человеке. Это процесс одомашнивания, который не может осуществляться без протеста со стороны животной природы, жаждущей свободы. Время от времени втягивающиеся во власть культуры шеренги человечества охватывают волны безумства и неистовства. Античность пережила это в дионисийских оргиях, докатившихся с Востока, которые стали существенной и характерной составной частью классической культуры. Дух этих оргий немало способствовал тому, что в многочисленных сектах и философских школах последнего дохристианского столетия стоический идеал развился в аскетизм и из политеистического хаоса того времени вышли аскетические религии Митры и Христа. Вторая волна дионисийской распущенности и беспутства прошла через западное человечество в эпоху Ренессанса. Трудно оценивать дух своего времени, но в последовательности революционных вопросов, возникших в последние полвека, был и «сексуальный вопрос», породивший новые виды литературы. В этом «движении» коренились и начала психоанализа, на теории которого это движение оказало весьма одностороннее влияние. В конце концов, никто не может быть полностью независим от течений своего времени. Так и «сексуальный вопрос» был по большей части оттеснен далеко на задний план политическими и мировоззренческими проблемами. Это, однако, ничего не меняет относительно того основополагающего факта, что инстинктивная природа человека снова и снова приходит в столкновение с ограничениями, возводимыми цивилизацией. Названия меняются, а суть дела остается той же самой. Кроме того, сегодня нам известно, что отнюдь не всегда только животная инстинктивная природа находится в разладе с культурным принуждением, но часто именно новые идеи, стремясь выйти из бессознательного на дневной свет, оказываются так же, как и инстинкты, в разладе с господствующей культурой. Например, сейчас нетрудно выдвинуть политическую теорию невроза, поскольку современный человек сдается главным образом политическими страстями, – теорию, в отношении к которой «сексуальный вопрос» выглядит лишь незначительным прологом. Может получиться так, что политика окажется не более чем предвестником некоторого еще более глубокого религиозного потрясения. Не осознавая этого, невротик участвует в господствующих течениях своей эпохи и отображает их в своем собственном конфликте.

Невроз теснейшим образом связан с проблемой нашего времени и в действительности представляет безуспешную попытку со стороны индивида разрешить всеобщую проблему

в своей собственной личности. Невроз есть разлад с самим собой. У большинства людей причиной этого разлада становится то, что сознательный разум хотел бы придерживаться своего морального идеала, в то время как бессознательное стремится к своему в современном смысле безнравственному, аморальному идеалу, который сознательный разум пытается отвергнуть. Люди подобного типа желали бы быть более уважаемыми, чем они в действительности являются. Но и сам конфликт легко может стать обратным: есть люди, которые по всем признакам весьма неупорядочны, и это их вполне устраивает, они палец о палец не ударят, чтобы в чем-то себя ограничить. Но, по сути, это лишь наигранная поза грешника, так как на заднем плане у них моральная сторона, оттесненная в бессознательное, точно так же, как у нравственного человека оттесненной оказывается его безнравственная природа. (Крайностей поэтому по возможности следует избегать, ибо они всегда возбуждают подозрение в противоположном.)

Общее рассуждение было необходимо для того, чтобы прояснить идею «эротического конфликта». И теперь можно рассмотреть, с одной стороны, психоаналитическую технику, а с другой – проблему психотерапии.

Очевидно, что самый главный вопрос, касающийся этой техники, звучит так: как мне кратчайшим и вместе с тем наиболее эффективным путем прийти к знанию о том, что происходит в бессознательном пациента? Первоначальный метод был гипнотическим: либо опрос в состоянии гипнотической концентрации, либо спонтанное продуцирование фантазий пациентом, находящимся в этом состоянии. Этот метод иногда еще применяется, однако по сравнению с современной техникой он примитивен и часто неудовлетворителен. Второй метод был разработан в психиатрической клинике в Цюрихе – так называемый метод ассоциаций¹⁸. Он очень точно демонстрирует присутствие конфликтов в форме «комплексов» чувственно-окрашенных идей, которые обнаруживают себя в характерных нарушениях в процессе эксперимента¹⁹. Но самый важный метод, позволяющий добиться знания о патогенных конфликтах, это, как показал Фрейд, анализ сновидений.

Что касается сновидения, то тут подтверждается поговорка «Тот камень, который строители отбросили, стал краеугольным». Лишь в современную эпоху сновидение, этот мимолетный и неясный продукт психического, стало объектом столь основательного пренебрежения. Прежде его ценили, видя в нем предсказателя судьбы, посланца богов, предостерегающего и утешающего. Теперь же мы рассматриваем его как провозвестника бессознательного; оно должно поведать нам тайны, скрытые от сознательного разума, и делает это с удивительной полнотой. «Манифестное сновидение», т. е. сновидение в том виде, в каком мы его запоминаем, есть, согласно концепции Фрейда, лишь фасад, который не позволяет нам получить представление о внутреннем содержании дома, но, напротив, тщательно скрывает его с помощью «цензора сновидения». Если же мы, однако, соблюдая определенные технические правила, побуждаем сновидца говорить о деталях своего сновидения, то вскоре оказывается, что его фантазии обладают определенной направленностью и концентрируются на определенном тематическом содержании, имеющем личностное значение и высказывающем смысл, который мы вначале не предполагали обнаружить, но который, как можно показать с помощью тщательного сравнительного анализа, находится в очень тонкой и охватывающей мельчайшие детали связи с фасадом сновидения. Этот особый комплекс идей, в котором соединяются все нити сновидения, есть искомый конфликт, представленный в определенной, обусловленной обстоятельствами версии. Согласно Фрейду, мучительные и непримиримые противоречия конфликта при этом настолько скрываются или же разрешаются, что

¹⁸ Jung C.G. Diagnostische Assoziationsstudie». 1906 und 1910. 2 Bd. Ges. Werte. Bd.

¹⁹ Jung C. G. Allgemeines zur Komplextheorie // Über psychische Energetik und das Wesen der Träume, 1948. Ges. Werke, Bd. 8. Рус. пер. – Юнг К.Г. Общий обзор теории комплексов // Юнг К. Г. Синхроничность. К., 1998.

можно говорить о своего рода «осуществлении желаний». Однако лишь в редких случаях это осуществление явных желаний, как, например, в снах, вызванных телесными возбуждениями, в случае ощущаемого во сне чувства голода, когда желание насытиться удовлетворяется во сне роскошной трапезой. Как и настойчивая мысль о том, что нужно вставать, конфликтующая с желанием продолжать спать, ведет к сновидческой идее о том, что ты уже встал, и т. д. Однако далеко не все сновидения имеют столь простую природу. По мнению Фрейда, существуют бессознательные желания, природа которых несовместима с представлениями бодрствующего сознания, тягостные желания, которые человек предпочитает не допускать к себе, и именно такие желания Фрейд рассматривает в качестве подлинных архитекторов сновидения. Например, дочь нежно любит свою мать; но во сне ее мать, к величайшему горю, появляется умершей. Фрейд считает, что у дочери наличествует неосознанное, в высшей степени болезненное желание, чтобы ее мать как можно скорее исчезла из этого мира, поскольку она тайно оказывает ей сопротивление. Даже самая безупречная дочь не застрахована от подобных настроений, которые она, пожалуй, стала бы отрицать самым отчаянным образом, если бы ее захотели на этом поймать. Манифестное сновидение по всем признакам не содержит в себе следов осуществления желаний, а, напротив, скорее опасение и озабоченность, т. е. как раз то, что противоположно предполагаемому бессознательному побуждению. Но мы хорошо знаем, что преувеличенная тревога очень часто и по праву вызывает подозрение в противоположном. (Критически настроенный читатель вправе задать вопрос: в каких случаях представленное в сновидении опасение является преувеличенным?) Таких сновидений, где по видимости нет и следа осуществления желаний, – бесчисленное множество. Обрабатываемый в сновидении конфликт не осознается, бессознательна и вытекающая из него попытка его разрешения. Сновидица в нашем случае фактически стремится избавиться от своей матери; выражаясь языком бессознательного, она хочет, чтобы мать умерла. Но сновидица, однако, не обязательно одержима подобным стремлением, так как, строго говоря, не она сфабриковала сновидение, а бессознательное. Бессознательное несет в себе эту тенденцию, неожиданную с точки зрения сновидицы, – избавиться от матери. Именно тот факт, что это ей снится, доказывает, что она не думает об этом сознательно. Она вообще не понимает, почему нужно избавляться от матери. Мы знаем теперь, что определенный слой бессознательного содержит в себе все то, что утрачено из реминисценций памяти, включая и все те инфантильные инстинктивные побуждения, которые не могут найти реализации во взрослой жизни. Можно сказать, что многое проистекающее из бессознательного носит инфантильный характер, как, например, данное желание, которое выглядит очень просто: «Это правда, папа, если мама умрет, то ты женишься на мне?» Это инфантильное выражение желания представляет собой замену сегодняшнего желания сновидицы выйти замуж – желания, которое по причинам, подлежащим в данном случае выяснению, для нее мучительно. Мысль о браке или, скорее, серьезность соответствующего намерения, как говорят, «вытеснена в бессознательное» и с необходимостью должна получить там инфантильное выражение, ибо материал, находящийся в распоряжении бессознательного, состоит главным образом из инфантильных реминисценций.

Рассматриваемый сон, по всей видимости, имеет отношение к некоторому инфантильному чувству ревности. Сновидица в известной степени влюблена в отца, и по этой причине она хотела бы избавиться от матери. Но ее реальный конфликт состоит в том, что она, с одной стороны, хочет выйти замуж, а с другой – не может решиться на это: ведь никогда точно не знаешь, что будет потом, насколько устроит ее муж и т. д. А кроме того, дома так хорошо, а как все сложится, если придется расстаться с любимой мамочкой и стать взрослой и самостоятельной? Она не замечает, что проблема замужества теперь всерьез встала на ее пути и настолько захватила ее, что она уже не может больше пятиться назад к отцу и матери, не озадачивая семью этим судьбоносным вопросом. Она уже не прежний ребенок,

теперь она женщина, которая хочет выйти замуж. И такой она предстает перед нами, полная желанием иметь мужа. Но в семье таким мужем является отец, и дочь направляет свое желание иметь мужа на отца, не имея осознанного представления об этом. А это уже – инцест. Таким образом возникает вторичная инцестная интрига. Фрейд допускает, что эта тенденция к инцесту первична и является реальным основанием того, почему сновидица не может решиться выйти замуж. В сравнении с этим прочие приведенные резоны мало что значат для него. В этом отношении я уже давно отстаиваю ту точку зрения, согласно которой случаи инцеста отнюдь не доказывают наличия универсальной склонности к инцесту, так же как факты убийства еще не доказывают наличия общераспространенной жажды убивать, мотивирующей конфликт. Я, конечно, не захожу так далеко, чтобы отрицать присутствие в любом из нас зародышей разного рода преступных действий. Но все же существует огромная разница между наличием подобных зародышей и актуальным конфликтом, приводящим к раздвоению личности, что и происходит в случае невроза.

Если внимательно обозреть историческую картину невроза, то с регулярностью обнаружим некоторый критический момент, когда всплывает именно та проблема, от которой стремятся уклониться. Так вот это уклонение есть реакция столь же естественная и общераспространенная, как и лень, инертность, малодушие, робость, незнание и неосознанность, которые скрываются за ним. Везде, где ситуация становится неприятной, трудной и опасной, мы чаще всего колеблемся и по возможности стараемся ее избежать. Я считаю подобные резоны вполне достаточными. Симптоматология инцеста, несомненно существующая и вполне правильно определенная Фрейдом, кажется мне вторичным феноменом, уже патологическим.

Сновидение часто запечатлевает детали, по видимости нелепые, из-за чего оно производит впечатление абсурдности, или же с внешней стороны кажется настолько непонятным, что чаще всего оставляет нас в замешательстве. Нам всегда приходится преодолевать известное сопротивление, прежде чем мы всерьез примемся вместе с пациентом за кропотливый труд по распутыванию сложных хитросплетений его сна. Когда же наконец мы проникаем в действительный смысл сновидения, то мы уже оказываемся в центре тайного мира сновидца и с удивлением обнаруживаем, что сон, по видимости бессодержательный, имеет очень глубокий смысл и говорит, собственно, лишь о важных и серьезных вещах. Это открытие вызывает у нас несколько большее уважение к так называемому суеверию, придающему значение снам, в котором рационалистическое умонастроение нашего времени ему до сих пор отказывало.

Как говорит Фрейд, анализ сновидений есть *via regia*²⁰ к бессознательному. Анализ сновидений ведет к раскрытию глубочайших тайн личности, благодаря чему он является бесценным инструментом в руках врача и воспитателя души.

Аналитический метод вообще (не только фрейдовский психоанализ) состоит по большей части из многочисленных анализов сновидений. В процессе лечения сновидения последовательно поднимают из глубины содержания бессознательного, чтобы эти содержания выставить под влияние дезинфицирующей силы дневного света, благодаря чему снова обнаруживается много ценного и, казалось бы, утраченного. При таком положении дел не приходится удивляться тому, что для многих людей, имеющих ложные представления о самих себе, лечение становится настоящей пыткой. Именно от них – в соответствии со старой мистической поговоркой: «Отдай то, что имеешь, и тогда ты получишь!» – требуется оставить все свои лелеемые иллюзии, с тем чтобы нечто более глубокое, более прекрасное и объемлющее смогло в них возродиться. Эта старая мудрая истина, которая всякий раз подтверждается при лечении. Особенно любопытно здесь то, что такой метод должен подтвер-

²⁰ Королевская дорога (*лат.*).

ждать свою необходимость в период расцвета сегодняшней культуры. В ряде отношений его можно сравнить с методом Сократа, хотя анализ и проникает гораздо глубже.

Сторонники фрейдовского способа исследований стремятся доказать, что эротический, или сексуальный, фактор имеет абсолютно преобладающее значение при возникновении патогенного конфликта. Согласно этой теории, существует коллизия между тенденцией сознания и аморальным, несовместимым с ней бессознательным желанием. Бессознательное желание инфантильно, то есть оно исходит из детства и никак не может приспособиться к сегодняшнему дню, почему оно и вытесняется, причем из моральных соображений. Невротик обладает психикой ребенка, он плохо переносит преднамеренные ограничения, не понимая их смысла; он, правда, стремится усвоить мораль, однако тотчас же оказывается в разладе с самим собой, хочет, с одной стороны, подавить себя, а с другой – освободиться, и эта борьба происходит под именем невроза. Будь этот конфликт осознанным во всех своих деталях, вероятно, из него никогда не возникали бы невротические симптомы; они проявляются лишь в том случае, если человек не в состоянии увидеть другую сторону своего существа и настоятельность относящихся к ней проблем. Лишь при этих условиях возникает симптом, который помогает непризнанной стороне психического найти свое выражение. Поэтому симптом, по Фрейду, – это осуществление непризнанных желаний, которые, будучи осознанными, оказались бы в резком противоречии с моральными убеждениями. Как уже было выяснено, эта теневая сторона психического ускользает от сознательного рассмотрения; больной поэтому не имеет возможности взаимодействовать с ней. Он не может исправлять ее, приходит с ней к соглашению или отказываться от нее, так как реально он вообще не «обладает» бессознательными побуждениями. Будучи вытесненными из иерархии побуждений сознательной психики, они стали автономными комплексами, которые надлежит посредством анализа снова вернуть в подчинение, преодолевая большое противодействие. Есть пациенты, которые прямо-таки хвастаются тем, что теневой стороны для них не существует; они уверяют что не имеют никакого конфликта; однако они не видят, что на их пути стоят другие явления неизвестного происхождения: истерические капризы, придирки, которыми они донимают самих себя и своих ближних, нервный катар желудка, боли в различных местах тела, беспочвенная раздражительность и множество прочих нервных симптомов.

Фрейдовский психоанализ упрекали в высвобождении вытесненных человеком животных инстинктов и причинении ему тем самым непоправимого вреда. Отсюда с очевидностью явствует, насколько мало мы доверяем эффективности современных моральных принципов. Люди делают вид, будто лишь проповедуемая мораль удерживает человека от разнузданности; куда более эффективным регулятором является, однако, нужда, которая устанавливает гораздо более реальные и убедительные границы, чем любые моральные предписания. Верно, что животные инстинкты психоанализ стремится сделать осознанными, однако он делает это не для того, чтобы, как думают многие, предоставить им необузданную свободу, а для того, чтобы подчинить их порядку осмысленной целостности. При любых обстоятельствах владеть своей личностью – это преимущество; в противном случае вытесненные элементы будут снова, хотя и на других этапах, вставать у человека на пути и мешать ему, причем именно тогда, когда мы наиболее уязвимы. Если же люди будут воспитаны так, что смогут отчетливо видеть теневую сторону своей природы, то можно надеяться, что они на этом пути научатся также лучше понимать и любить своих ближних. Немного меньше лицемерия и больше самопознания могут способствовать тому, чтобы люди научились считаться со своими ближними, ибо они слишком легко склоняются к перенесению несправедливости и насилия на других.

Фрейдовская теория вытеснения может, правда, навести кого-то на мысли о том, что только высокоморальные люди способны подавлять свою инстинктивную природу. Амо-

ральный же человек, страстно любящий свою инстинктивную природу, в соответствии с этим должен был бы быть полностью свободным от неврозов. Как показывает опыт, это, разумеется, не так. Такой человек может страдать неврозом, как и другие. Если его проанализировать, то обнаружится, что у него просто-напросто в вытесненном состоянии оказалась мораль. Если аморальный человек страдает невротическим расстройством, то он является собой, как метко сформулировал Ницше, образ «бледного преступника», который находится в противоречии с самим собой.

Конечно, можно принять ту точку зрения, согласно которой вытесненные остатки порядочности в подобном случае являются лишь обычным пережитком младенчества, который налагает на инстинктивную природу ненужные оковы и поэтому должен быть искоренен. Но если следовать принципу «Écrasez l'infâme!»²¹, можно прийти к теории абсолютного либертинизма и распущенности. Естественно, что это было бы весьма фантастично и бессмысленно. Никогда нельзя забывать и следует напомнить представителям фрейдовской школы, что мораль не была людям ниспослана свыше в форме синайских скрижалей и навязана им, а, напротив, мораль – это функция человеческой души и так же стара, как и само человечество. Мораль не навязывается извне – мы несем ее в себе с самого начала: не сам закон, а моральную природу, без которой совместная жизнь в человеческом обществе была бы невозможна. Вот почему мораль имеет место на всех уровнях и ступенях общества. Она выступает инстинктивным регулятором деятельности, который присущ совместной жизни животного стада. Моральные законы, однако, имеют силу лишь внутри группы живущих совместно людей. За ее пределами их действие прекращается. Там утвердилась старая истина: «Homo homini lupus»²². С развитием цивилизации удалось подчинить большое число людей одной морали, хотя до сих пор не удалось добиться господства морального закона за пределами границ сообществ, т. е. в свободном пространстве сообществ, независимых друг от друга. Там с древних времен правят беззаконие, распущенность и вопиющая безнравственность, и только враг осмеливается говорить об этом в полный голос.

Сторонники фрейдовского метода были настолько проникнуты убеждением в основополагающей, даже исключительной роли сексуальности в неврозе, что они, исходя из собственной логики, бесстрашно атаковали современную сексуальную мораль. Это было, без сомнения, полезно и необходимо, ибо в этой области господствовали и продолжают господствовать недифференцированные идеи и воззрения ввиду крайне сложного и запутанного положения дел. Как в раннем средневековье денежная система пребывала в упадке, поскольку еще не сложилась казуистически дифференцированная мораль денежных отношений, а была одна лишь мораль массы, так и сегодня налицо одна лишь общая сексуальная мораль. Девушку, имеющую незаконнорожденного ребенка, осуждают, и никто не спрашивает о том, порядочный она человек или нет. Не санкционированная правом форма любви аморальна, и неважно, кто вступает в такие отношения – достойные люди или подонки. Мы еще настолько загнипнотизированы происходящим, что забываем о том, как и с кем это происходит, подобно тому как для средневековья деньги были не чем иным, как сверкающим неистово вожделенным золотом и поэтому дьявольским началом.

Однако все не так просто. Эрос – фигура сомнительная и всегда останется таковой, как бы на это ни реагировали будущие законодатели. С одной стороны, он символизирует исконно животную природу человека, которая будет существовать до тех пор, пока человек обладает животным телом. С другой стороны, он связан с высшими формами духа. Но он преуспевает лишь тогда, когда дух и инстинкт пребывают в гармонии. Если в нем недостает того или иного аспекта, то это наносит ущерб или по меньшей мере приводит к несбаланси-

²¹ Раздавите гадину! (франц.).

²² Человек человеку волк (лат.).

рованной односторонности, которая легко может перейти в патологию. Избыток животного начала искажает образ культурного человека, избыток цивилизации делает больным животное начало. Эта дилемма обнаруживает неопределенность в положении человека, за которую ответствен Эрос. Так, в своем основании Эрос – сверхмогущественная сила, которая, как и сама природа, позволяет овладевать собой и использовать себя, как если бы она была бессильной. Однако триумф над природой дорого оплачивается. Природа не нуждается ни в каких принципиальных объяснениях, а удовлетворяется лишь терпением и мудрой мерой.

«Эрос – могучий демон», – сказала Сократу мудрая Диотима. Мы никогда не сможем сделать его лучше, кроме как только во вред самим себе. Эрос не есть вся наша внутренняя природа в целом, но, по крайней мере, это один из ее существенных аспектов. Таким образом, сексуальная теория невроза, выдвинутая Фрейдом, базируется на истинном и фактическом принципе. Однако ошибка этой теории состоит в ее односторонности и ограниченности исключительно этим принципом, а кроме того, она совершает опрометчивые шаги, стремясь схватить неуловимый Эрос с помощью своей грубой сексуальной терминологии. Фрейд и в этом отношении является одним из типичных представителей именно материалистической эпохи²³, которые надеялись когда-нибудь решить загадку мироздания в пробирке.

Фрейд и сам в пожилом возрасте признал этот недостаток уравновешенности в своей теории и противопоставил Эросу, который он назвал либидо, инстинкт разрушения или смерти²⁴.

В одной из работ Фрейда, опубликованных после его смерти, говорится: «После долгих сомнений и колебаний мы решились принять лишь два фундаментальных инстинкта: Эрос и инстинкт разрушения... Цель первого – устанавливать все большие единства, а тем самым – сохранять, т. е. связывать; цель второго – напротив, разлагать связи и тем самым разрушать вещи... Поэтому мы его называем также инстинктом смерти»²⁵.

Я вынужден ограничиться этим упоминанием, не вдаваясь в более подробное обсуждение этого понятия. И без того достаточно ясно, что жизнь, как и всякий процесс, имеет начало и конец и что всякое начало есть также начало конца. То, что Фрейд, вероятно, имеет в виду, есть, пожалуй, сам факт того, что всякий процесс – это проявление энергии и что любая энергия вообще может возникать только из напряжения противоположностей.

²³ Юнг К. Г. Зигмунд Фрейд как культурно-историческое явление / Юнг К. Г. Собр. соч. Т. 15. Феномен духа в искусстве и науке. М., 1991. § 44–73.

²⁴ Эту идею первоначально высказала моя ученица д-р С. Шпильрейн. Ср.: Die Destrnkction als Ursache des Werdens in Jahrbuch für psychoanalytische und psychopatho-logische Forschungen. 1912. Эта работа упоминается Фрейдом. Фрейд вводит понятие инстинкта разрушения, или смерти, в своей работе «Jenseits des Lustprinyps». Кар. 5.

²⁵ [FreudS. An Outline of Psycho-Analysis (orig. 1940) / Standard Edn., XXIII. P. 148.]

III. Другая точка зрения: Воля к власти

До сих пор мы рассматривали проблему новой психологии, исходя главным образом из теории Фрейда. Несомненно, мы смогли увидеть нечто истинное, нечто реальное, чему, возможно, наша гордость, наше цивилизованное сознание может сказать «нет»; хотя при этом что-то другое говорит «да». Многие люди полагают подобный факт крайне раздражающим; он вызывает у них враждебность или даже страх, соответственно эти люди не готовы признать сам конфликт. И в самом деле, есть что-то пугающее в том, что человек имеет также некоторую теневую сторону, которая состоит не просто из маленьких слабостей и изъянов, а из прямо-таки демонической динамики. Отдельный человек редко знает об этом; ибо ему, как индивиду, кажется невероятным, чтобы он где-либо и при каких-то обстоятельствах оказывался за пределами самого себя. Но стоит только этим безобидным существам образовать подобие толпы, массы, как сразу же появляется яростное чудовище, и каждый отдельный человек есть лишь крошечная клеточка в теле этого чудовища, где ему волей-неволей приходится идти на поводу у этого кровожадного зверя и даже по возможности обслуживать его. Смутно подозревая об этих неприятных качествах, человек поворачивается невидящим взглядом к теневой стороне человека. В воинственном воодушевлении он обрушивается на целетельную догму о первородном грехе, хотя она поразительно правдива. Мало того, не решается признаться даже самому себе в том конфликте, который столь мучительно ощущает. Можно легко понять, что такое направление в психологии, которое делает акцент на темной стороне, оказывается нежелательным и даже вызывающим страх, ибо оно вынуждает нас пристально вглядываться в бездонную пропасть этой проблемы. Смутная догадка постукает к нам о том, что без этой негативной стороны мы не можем претендовать на целостность, что мы имеем тело, которое, как и все тела, отбрасывает тень, и что если мы отрицаем это тело, то лишаемся трехмерности, оказываемся плоскими и лишенными материальности. Однако тело есть животное со звериной душой, организм, беспрекословно повинующийся инстинкту-влечению. Соединиться с этой тенью – значит сказать «да» инстинкту и тем самым также сказать «да» той чудовищной динамике, которая маячит на заднем плане жизненной сцены. От этого нас хочет освободить аскетическая мораль христианства, рискуя при этом дезорганизовать животную природу человека на самом глубочайшем уровне.

Выяснял ли кто-либо для себя, что это значит – сказать «да» инстинкту? Это то, чего желал Ницше и чему учил со всей серьезностью. С необычайной страстью он принес в жертву себя, всю свою жизнь идее Сверхчеловека, – идее человека, который, повинаясь своему инстинкту, выходит за пределы самого себя. И как же проходила его жизнь? Так, как Ницше напророчил сам себе в «Заратустре»: в том исполненном предчувствия фатальном падении канатного плясуна, «человека», который не хотел, чтобы его превзошли и «перепрыгнули». Заратустра говорит умирающему канатному плясуну: «Твоя душа умрет еще быстрее, чем твое тело!» И позднее карлик говорит Заратустре: «О Заратустра, камень мудрости! Высоко ты бросил себя; но каждый брошенный камень должен упасть! Ты приговорен к самому себе, и тебе самому суждено побить себя камнями: о Заратустра, как далеко бросил ты камень – но он упадет на тебя». Когда он прокричал о себе «Ессе homo», было слишком поздно, как и тогда, когда это выражение возникло, и распятие души началось еще до того, как умерло тело.

Следует смотреть весьма критически на жизнь того, кто учил говорить «да», чтобы иметь возможность изучить последствия подобного учения на собственной жизни учителя. Но если мы посмотрим на его жизнь в этом ракурсе, то нам придется допустить, что Ницше жил по ту сторону инстинкта, в высокогорном воздухе героизма, и эта высота поддерживалась тщательной диетой, специально выбранным климатом и в особенности большими

дозами снотворного – до тех пор пока напряжение не разорвало его мозг. Он учил говорить жизни «да», но сама его жизнь давала ответ «нет». Его отвращение к человекозверю, который живет инстинктом, было слишком велико. Несмотря ни на что, он так и не смог проглотить ту жабу, которую он часто видел во сне, страшаясь самой необходимости сделать это. Рычание льва Заратустры загнало обратно в пещеру бессознательного всех тех «высших» людей, которые требовали идти с ними в ногу. Поэтому его жизнь не убеждает нас в его учении. Ибо «высший» человек тоже хочет иметь возможность спать без хлорала и жить в Наумбурге и в Базеле, несмотря на «туманы и тени». Он хочет иметь жену и потомство, хочет обладать авторитетом и уважением толпы, он хочет бесчисленное множество самых обыкновенных вещей, уж не меньше, чем у филистимлян. Ницше не жил этим инстинктом, т. е. животным побуждением. При всем своем величии и важности Ницше был патологической личностью.

Но чем же он жил, если не инстинктом? Вправе ли мы действительно обвинить Ницше в том, что он практически говорил «нет» своему инстинкту? Едва ли он согласился бы с этим. Он мог бы показать без всякого труда, что он жил инстинктивной жизнью в самом высоком смысле. Но как же тогда оказалось возможным, спросим мы удивленно, что инстинктивная природа человека увела его как раз вдаль от человечества, в абсолютное уединение, в равнодушие и уединенность от стада, поддерживаемые отвращением? Ведь обычно полагают, что инстинкт как раз объединяет, что он спаривает, порождает, что он направлен на удовольствие и благополучие, на удовлетворение всех чувственных желаний. Но не стоит забывать, что это лишь одно из возможных направлений инстинкта. Существует не только инстинкт сохранения вида, но также и инстинкт самосохранения.

Об этом последнем инстинкте Ницше и говорит вполне ясно – о воле к власти. Все прочие инстинкты у него лишь следуют в поезде воли к власти. С точки зрения фрейдовской сексуальной психологии это огромная ошибка, ложное понимание биологии, заблуждение декадентствующего невротика. Ибо любой приверженец сексуальной психологии легко сможет доказать, что крайняя напряженность и героический характер ницшевского мировоззрения и его понимания жизни есть все же не что иное, как последствие вытеснения и игнорирования другого «инстинкта», того инстинкта, который эта психология рассматривает в качестве фундаментального.

Случай Ницше показывает, с одной стороны, последствия невротической односторонности, а с другой – те опасности, с которыми связан скачок за пределы христианства. Ницше, без сомнения, глубоко чувствовал христианское отрицание животной природы и поэтому искал более высокой человеческой целостности по ту сторону добра и зла. Но каждый, кто всерьез критикует базовые установки христианства, также лишается защиты, которую оно ему предоставляет. Он неизбежно отдает себя во власть животного психического. Это момент дионисийского опьянения, всепоглощающего откровения «белокурой бестии»²⁶, которое вызывает в душе неведомый трепет. Одержимость превращает его в героя или богоподобное существо, в сверхчеловеческую сущность. Он и в самом деле ощущает себя находящимся далеко по ту сторону добра и зла.

Наблюдателю-психологу известно это состояние под названием «идентификация с тенью», это явление возникает с большой регулярностью в моменты столкновения с бессознательным. Единственное, что может здесь помочь, – вдумчивая самокритика. Во-первых, слишком маловероятно, чтобы эта потрясшая мир истина была открыта только что, так как такие явления случаются во всемирной истории крайне редко. Во-вторых, надо тщательно исследовать, не происходило ли уже нечто подобное в другом месте и в другое время. Например, Ницше как филолог мог бы найти этим явлениям некоторые четкие классические параллели, что определенно могло бы успокоить его разум. В-третьих, надо принять во

²⁶ Ср: Jung C. Über das Unbewußte. 1918 / Ges. Werke. Bd. 10.

внимание, что дионисийское переживание может быть не чем иным, как возвратом к языческой форме религии, а это, в сущности, не открывает ничего нового и ведет к повторению истории. В-четвертых, нельзя не предвидеть того, что за радостным подъемом духа к героическим и богоподобным высотам абсолютно неизбежно последует не менее глубокое падение в пропасть. Такие рассуждения могли бы поставить в выгодное положение того, кто свел бы всю эту экстравагантность к пропорциям стимулирующей и напряженной прогулки в горы, за которой следуют обычные жизненные будни. Подобно тому как каждый ручей ищет долину и широкую реку, направленную к пологим берегам и равнинам, жизнь так же стремится стать будничной и рутинной. Необычное, если оно не заканчивается катастрофой, может вкрадываться в будни, но не так уж часто. Если героизм становится хроническим, то он оканчивается спазмом, и этот спазм ведет к катастрофе или неврозу или к тому и другому. Ницше застрял в состоянии высокого напряжения. Но в этом экстазе он мог бы с тем же успехом сопротивляться и христианству. Здесь нет и ни малейшего ответа на вопрос о животном психическом, ибо экстатическое животное – это чудовищное уродство. Животное исполняет свой жизненный закон, не больше и не меньше. Его можно назвать послушным и «хорошим». Но экстатическое обходит закон своей собственной жизни и ведет себя несоответствующим образом в природных проявлениях. Это несоответствие есть исключительная прерогатива человека, чье сознание и свободная воля могут при случае *contra naturam*²⁷ отрываться от своих корней в животной природе. Это неперенная основа всякой культуры, но также и духовной болезни, если нарушена мера. Человек может вынести без вреда лишь определенное количество культуры. Бесконечная дилемма «культура – природа» всегда есть вопрос «слишком много или слишком мало», а не «либо-либо».

Случай с Ницше ставит нас перед вопросом: что открыло ему столкновение с тенью, а именно с волей к власти? Следует ли рассматривать это как нечто фальшивое, как симптом вытеснения? Есть ли воля к власти нечто подлинное, или же она вторична? Если бы конфликт с тенью вызвал поток сексуальных фантазий, то случай был бы ясен; однако произошло совсем другое. Дело было не в Эросе, а во власти Эго. Отсюда вывод: то, что было вытеснено, – не Эрос, а воля к власти. Однако, я считаю, нет оснований предполагать, что Эрос является подлинным, а воля к власти – фантом. Несомненно, воля к власти является столь же могущественным демоном, что и Эрос, и дана человеку изначально.

И все же цель жизни Ницше, пришедшей к своему фатальному концу, жизни, прожитой с редкостной приверженностью идее инстинкта власти, нельзя назвать придуманной. В противном случае мы вынесли бы ему тот же самый несправедливый приговор, который Ницше вынес своему антиподу Вагнеру: «Все, что с ним связано, фальшиво; а то, что подлинно, скрыто или приукрашено. Он – актер и в хорошем и в плохом смысле этого слова». Откуда такое предубеждение? Вагнер воплотил другой основополагающий побудительный мотив, на который Ницше не обратил внимания и на котором строится психология Фрейда. Если мы посмотрим, был ли этот первый инстинкт, влечение к власти, известен Фрейду, то обнаружим, что Фрейд зафиксировал его под названием «влечения Я», или Эго-инстинкта. Но эти Эго-инстинкты занимают в его психологии довольно скромное место по сравнению с широко, слишком широко развернутым сексуальным фактором. В действительности же человеческая природа тащит на себе ношу жестокого и бесконечного конфликта между принципом Я, или Эго, и принципом инстинкта: Эго на все накладывает ограничения, инстинкт – безграничен, и оба принципа одинаково могущественны. В известном смысле человек может считать себя счастливым, потому что он осознает «один-единственный побудительный мотив», и уже одно это служит основанием избегать других. Но если он научится узнавать и другой принцип, то он пропал: тогда человек вступает в фаустовский конфликт. В

²⁷ Вопреки природе (*лат.*).

первой части «Фауста» Гете показал нам, что означает принять инстинкт, а во второй части – что означает принять Эго с его зловещим бессознательным миром. Все незначительное, мелочное и трусливое в нас отступает перед этим и сжимается; и для этого есть хороший предлог, мы открываем, что этот «другой» в нас и в самом деле есть еще один реальный человек, который мыслит, делает, чувствует и желает всего того, что недостойно и вызывает презрение. Тем самым враг найден, и мы с удовлетворением начинаем с ним борьбу. Отсюда появляются и те хронические идиосинкразии, отдельные примеры которых для нас сохранила история нравов. Наиболее показательный пример уже приводился – «Ницше против Вагнера, против Павла» и т. д. Но повседневная человеческая жизнь кишит подобными случаями. Так человек спасается от фаустовской катастрофы, перед которой его смелость и сила могут и спастись. Целостный человек, однако, знает, что и его злейший враг (или даже сонмище врагов) не может тягаться с тем самым опасным соперником, с той «другой самостью», которая живет в его груди. Ницше носил Вагнера в самом себе, поэтому он завидовал его «Парсифалю»; хуже того, он, Савл, носил в себе Павла. Поэтому Ницше оказался стигматизированным духом; подобно Савлу, он был вынужден пережить христианизацию, когда тот, «другой», прошептал ему на ухо: «Ессе homo». Кто «пал перед крестом» – Вагнер или Ницше?

Судьбе было угодно, чтобы один из первых учеников Фрейда, Альфред Адлер²⁸, сформулировал точку зрения на невроз, базирующуюся исключительно на принципе власти. Небезынтересно и даже по-своему увлекательно наблюдать, насколько по-разному выглядят одни и те же явления в противоположном освещении. Отметим прежде всего основной контраст: у Фрейда все представлено в качестве строго каузальной последовательности, вытекающей из предшествующих фактов, у Адлера же, напротив, все представляет собой телеологическую (обусловленную целью) «упорядоченность». Возьмем простой пример. Одну молодую даму начинают мучить приступы беспокойства. Ночью она просыпается с душераздирающим криком от какого-то кошмарного сна, никак не может успокоиться, прижимается к своему мужу, умоляет его не оставлять ее, требует заверений, что он, конечно же, ее любит и т. п. Постепенно развивается нервная астма, приступы которой случаются и днем.

Фрейдовский метод требует в таком случае немедленно погрузиться в изучение внутренней каузальности болезни и ее симптомов. Каково было содержание первых кошмарных снов? На пациентку напали разъяренные быки, львы, тигры, люди-злодеи. Что в связи с этим приходит пациентке на ум, каковы ее ассоциации? Вот одна из историй, которая произошла с ней, когда она еще не была замужем. Она отдыхала на курорте в горах, много играла в теннис, заводила обычные знакомства. Там оказался один молодой итальянец, который играл в теннис особенно хорошо, а вечерами демонстрировал свое умение играть на гитаре. Завязался легкий флирт, как-то раз они совершали прогулку при луне. И тут «неожиданно», к огромному испугу ничего не подозревавшей девушки, прорвался темперамент итальянца. «Он одарил ее таким взглядом», который она не могла забыть. Этот взгляд преследует ее до сих пор даже во сне; так смотрят дикие звери, преследующие ее в снах. Но действительно ли это взгляд итальянца? Когда пациентке было около 14 лет, ее отец погиб в результате несчастного случая. Он был человеком, принадлежавшим миру, много путешествовал. Однажды незадолго до своей смерти он взял ее с собой в Париж, где они, между прочим, посетили и «Folies Bergeres». Там произошло нечто, что произвело на нее неизгладимое впечатление. При выходе из театра к ее отцу вдруг совершенно беспардонно прижалась какая-то размалеванная особа. Девушка испуганно взглянула на отца в ожидании, что же он сделает, и увидела тот же самый взгляд, тот же звериный огонь в его глазах. Это неизъяснимое «нечто» преследовало ее день и ночь. С этого момента ее отношение к отцу изменилось. Иногда она раз-

²⁸ Adler A. Über den nervösen Charakter. 1912.

дражалась, становилась язвительной и капризной, иногда проникалась к нему нежнейшей любовью. В дальнейшем у нее внезапно развились беспричинные приступы истерического плача, а всякий раз, когда отец был дома, с ней частенько происходили неприятные случаи: поперхнувшись за столом, она давилась едой, и это сопровождалось приступами удушья, из-за которых нередко на один-два дня она теряла голос. Известие о внезапной смерти отца причинило ей чрезвычайную боль, что привело тогда к истерическому приступу судорожного смеха. Но вскоре она успокоилась, ее состояние быстро улучшилось, и невротические симптомы почти совсем исчезли. Прошлое покрылось вуалью забвения. Лишь история с итальянцем всколыхнула в ее душе нечто, перед чем она испытывала страх. Она резко прервала отношения с молодым человеком. Спустя несколько лет она вышла замуж. После рождения второго ребенка у нее начался невроз, именно с того момента, когда она сделала открытие, что ее супруг испытывает нежные чувства к другой женщине.

Эта история ставит много вопросов: например, а где живет ее мать? О ее матери известно, что у нее были больные нервы и она испробовала все возможные санатории и системы лечения. У нее были установлены симптомы страха и нервная астма. Брак, насколько помнила пациентка, был весьма холодным и отстраненным. Мать плохо понимала отца. У пациентки всегда было такое чувство, что она понимает его гораздо лучше. Она была явной любимицей отца и соответственно испытывала внутреннюю холодность по отношению к матери.

Этих указаний, пожалуй, достаточно, чтобы дать общее представление о болезни. За имеющимися симптомами скрываются фантазии, которые непосредственно связаны с переживанием по поводу итальянца, но затем обращаются к отцу, чей неудачный брак еще раньше дал любимой дочери благоприятную возможность обеспечить себе то место, которое, собственно, должно было бы принадлежать матери. За этим завоеванием, конечно, скрывается фантазия о том, что она, дочь, и есть самая подходящая жена для отца. Первый приступ невроза случился в тот самый момент, когда эта фантазия пациентки испытала тяжелое потрясение, вероятно, такое же, какое пришлось испытать и ее матери, хотя об этом ребенку и не было известно. Сами симптомы легко объяснимы как выражение разочарованной и отвергнутой любви. Пищеварительные спазмы во время еды были вызваны тем самым чувством, когда перехватывает горло, а это известное явление, сопровождающее сильные переживания, которые человек не может полностью «проглотить». (Метафоры обыденной речи часто связаны, как нам известно, с такого рода физиологическими явлениями.) Когда отец умер, случилось так, что хотя ее сознание было тяжело ранено, однако ее тень смеялась на манер Тиля Уленшпигеля. Он делался скорбным, когда делам предстояло идти хуже, и приобретал веселое расположение духа на утомительном пути вверх, как бы предвидя будущее. Когда отец оставался дома, ей становилось грустно и она заболела; когда его не было, она чувствовала себя гораздо лучше, подобно тем многочисленным мужьям и женам, которые еще скрывают друг от друга ту сладкую тайну, что они отнюдь не всегда и не абсолютно необходимы друг другу.

То, что бессознательное в подобных обстоятельствах имело основания смеяться, было подтверждено в последующий здоровый период. Ей удалось заставить прошлое погрузиться в забвение. Лишь эпизод с итальянцем угрожал снова поднять на поверхность подземный мир. Однако она быстро захлопнула дверь и оставалась здорова до тех пор, пока дракон невроза все же не приполз к ней именно тогда, когда она воображала себя в безопасности, пребывая, так сказать, в идеальном качестве супруги и матери.

Сексуальная психология говорит: причина невроза заключается в базовой неспособности пациентки освободиться от своего отца. Вот почему связанные с отцом воспоминания всплывали снова, когда она обнаружила в итальянце таинственное «нечто», которое уже в отце произвело на нее сильное впечатление. Эти воспоминания были, естественно, ожив-

лены аналогичным переживанием, связанным с ее мужем, что послужило непосредственной причиной невроза. Можно было бы поэтому сказать, что содержанием и причиной невроза был конфликт между инфантильно-эротическим отношением к отцу и любовью к мужу.

Если же мы теперь посмотрим на ту же самую клиническую картину с точки зрения «другого» инстинкта, воли к власти, то дело будет выглядеть совсем иначе. Неудачный брак родителей пациентки давал превосходную возможность для удовлетворения ее детского стремления к власти. Инстинкт власти требует, чтобы Эго при любых обстоятельствах оставалось «на высоте», какой бы путь – прямой или окольный – ни вел к этой цели. «Целостность личности» должна быть сохранена любой ценой. Всякая попытка окружающих – пусть даже кажущаяся – хоть в малейшей степени подчинить субъекта встречает, по выражению Адлера, «мужественный протест». Разочарование матери и ее невроз создали поэтому в высшей степени желаемые и благоприятные условия для реализации власти и для того, чтобы оказаться на высоте. Любовь и прекрасное поведение являются, с точки зрения инстинкта власти, замечательными средствами для достижения цели. Добродетель нередко помогает вынудить признание у окружающих. Уже ребенком она знала, как с помощью угодливого поведения добиться преимуществ в глазах отца и прежде всего подняться над матерью – и не из любви к отцу, а потому что любовь оказывалась подходящим способом для того, чтобы оказаться на высоте. Красноречивым доказательством тому является судорожный смех, охвативший ее при известии о смерти отца. Мы склонны считать подобного рода объяснение ужасным обесцениванием любви, не говоря уже о злонамеренной инсинуации, пока мы не отвлечемся на момент и не увидим мир таким, каков он есть. Разве вы никогда не видели бесчисленное количество таких людей, которые любят и верят в свою любовь лишь до момента достижения своей цели; после чего такие люди отворачиваются от предмета своего увлечения, как будто они никогда и не любили? Но разве, наконец, сама природа не поступает точно так же? Разве «незаинтересованная» любовь вообще возможна? Если да, то она принадлежит к тем высшим добродетелям, которые, как всем давно известно, очень редки. Возможно, существует общая тенденция думать как можно меньше о цели своей любви; в противном случае мы могли бы сделать открытия, представляющие достоинства нашей собственной любви в менее благоприятном свете.

Итак, пациентку при известии о смерти ее отца охватил истерический смех – она наконец достигла вершины. Это был истерический смех, психогенный симптом, нечто проистекавшее из бессознательных мотивов, а не из мотивов сознательного Эго. Это такой нюанс, который нельзя недооценивать и который дает возможность понять, откуда и как возникают известные человеческие добродетели. Нечто противоположное этим добродетелям ведет в ад или, выражаясь современным языком, в бессознательное, где издавна накапливаются антиподы наших сознательных добродетелей. Следовательно, по причине самой добродетели люди не хотят ничего знать о бессознательном; вершиной добродетельной мудрости является утверждение, что бессознательного вообще не существует. Но увы! К сожалению, со всеми нами происходит то же, что и с братом Медардом в «Эликсире сатаны» Э.-Т.-А. Гофмана: где-то существует чудовищный, страшный брат, наш собственный, плотью и кровью связанный с нами антипод, который удерживает и злокозненно накапливает все то, что мы слишком уж охотно «прячем под столом».

Первый приступ невроза у нашей пациентки случился в тот момент, когда она осознала, что в ее отце есть нечто ей неподвластное. И тогда вошел великий свет, теперь она узнала, для чего ее матери был нужен невроз: когда сталкиваешься с той или иной трудностью или препятствием, которые не можешь побороть никакими иными разумными и изящными средствами, тогда остается еще один до сих пор не изведанный способ, тот, который уже задолго до этого открыла ее мать, – невроз. И отныне она начинает имитировать невротические симптомы матери. Но что же хорошего в неврозе, спросите вы удивленно? Что

он может дать? Любой, кто имеет в своем окружении случай невроза, хорошо знает, что он может «принести». Лучшего средства тиранить всех домашних, чем невроз, нет. Огромное воздействие на них оказывают сердечные приступы, приступы удушья, всевозможные спазмы и судороги, их эффективность едва ли может быть превзойдена. Здесь высвобождаются океаны сочувствия, перед нами встает картина извергающихся потоков сострадания и ужаса любящих и озабоченных родителей, беготни взад и вперед перепуганной прислуги, шквала телефонных звонков, спешащих на помощь врачей, тяжелых диагнозов, тщательных обследований, длительного лечения, крупных расходов – и в центре всего этого, посреди этой суматохи лежит сам невинный страдалец, к которому окружающие еще и преисполнены благодарности за то, что он нашел в себе силы преодолеть свои «спазмы».

Эту непревзойденную «упорядоченность» (Arrangement, по выражению Адлера) и открыло для себя «дитя малое», с успехом применяя его каждый раз, когда отец бывал дома. Надобность в нем отпала со смертью отца; ибо теперь наконец она была на вершине. Итальянца она отвергла сразу же после того, как он слишком подчеркнуто указал на ее женственность, напомнив тем самым о своей принадлежности к мужскому полу. Когда же представилась подходящая возможность выйти замуж, она полюбила и безропотно покорилась судьбе жены и матери. Покуда сохранялось ее вызывающее восхищение превосходство, все шло замечательно.

Но когда однажды у ее мужа появилось маленькое увлечение на стороне, тогда ей пришлось, как и раньше, обратиться к той же самой чрезвычайно эффективной «упорядоченности», опосредованной «игре мускулами», поскольку она вновь столкнулась с препятствием, на этот раз в муже, которое до этого в случае с отцом вышло из-под ее контроля.

Так выглядит суть дела с точки зрения психологии власти. Я боюсь, как бы читатель не оказался в положении того кадия, перед которым сначала выступил защитник одной стороны. Когда он закончил свою речь, кадий сказал: «Ты говорил очень хорошо; я вижу – ты прав». Но затем взял слово защитник другой стороны, и, когда он закончил, кадий почесал у себя за ухом и сказал: «Ты говорил очень хорошо; я вижу – ты тоже прав». Вне всякого сомнения, инстинкт власти играет чрезвычайно важную роль. Верно то, что невротические симптомы и комплексы также участвуют в «упорядочиваниях», которые с невероятным упорством и несравненной хитростью неумолимо преследуют свои цели. Невроз телеологически ориентирован (он имеет целевую ориентацию). В подтверждении этого – серьезная заслуга Адлера.

Какая из двух точек зрения правильная? Это непосильный вопрос. Нельзя просто наложить друг на друга оба объяснения, так как они абсолютно противоречат друг другу. В одном случае высшим и решающим фактом оказывается Эрос и его судьба, в другом – власть Эго. В первом случае Эго является лишь своего рода придатком Эроса и зависит от него; во втором случае любовь каждый раз оказывается лишь средством для достижения превосходства. Те, кто обладают властью Эго, по большей части в глубине души восстанут против первой версии; но те, кому важна любовь, никогда не смогут примириться со второй точкой зрения.

IV. Проблема типа установки

1

Несовместимость двух теорий, рассмотренных в предшествующих главах, требует поиска более высокой позиции по отношению к обеим, позиции, в которой эти теории могли бы прийти к единству. Мы не можем отбросить одну теорию, сделав выбор в пользу другой, каким бы удобным ни казался этот выход. Ведь, если непредвзято подвергнуть проверке обе эти теории, то окажется, что в обеих содержатся важные истины, и, как бы они ни были противоположны, они не должны исключать друг друга. Теория Фрейда настолько проста, что многие реагируют почти болезненно, когда кто-нибудь пытается ее оспорить или опровергнуть. Но то же самое справедливо и в отношении теории Адлера. Она тоже обладает очевидной простотой и не меньшей объясняющей силой, чем теория Фрейда. Поэтому не приходится удивляться тому, что последователи обеих школ упрямо цепляются за свои односторонние взгляды. По причинам, вполне по-человечески понятным, они не хотят отказаться от элегантной, «отделанной» теории в обмен на некий парадокс или, хуже того, заблудиться в путанице противоречивых точек зрения.

Итак, поскольку обе теории в значительной мере правильны, т. е. объясняют, по-видимому, свой материал, то из этого следует, что невроз должен иметь два противоположных аспекта, один из которых объяснен Фрейдом, а другой – Адлером. Но как это получается, что каждый исследователь видит только одну сторону и почему каждый настаивает на том, что именно он владеет правильным пониманием? Должно быть, это происходит потому, что в силу своих психологических особенностей каждый исследователь видит в неврозе прежде всего то, что этим особенностям соответствует. Нельзя допустить, что Адлер имел дело со случаями неврозов, совершенно отличными от тех, которые были рассмотрены Фрейдом. Оба явно исходят из одного и того же эмпирического материала; но так как они в силу своего психологического своеобразия видят вещи по-разному, то и развивают в корне различные взгляды и теории. Адлер наблюдает, как субъект, чувствуя себя подчиненным и неполноценным, пытается с помощью «протестов», «обустроенности» и прочих служащих достижению его цели ухищрений обеспечить себе иллюзорное превосходство, направленное в равной степени против родителей, воспитателей, начальства, авторитетов, ситуаций, институций и пр. Даже сексуальность может фигурировать среди его «инструментов». Этот взгляд строится на акцентировании субъекта, по отношению к которому идиосинкрзия и значение объектов полностью исчезают. Объекты в лучшем случае рассматриваются как средства тенденций подавления. Думаю, не ошибусь, если скажу, что отношения любви и желания, направленные на объекты, тоже фигурируют у Адлера как существенные факторы; однако в его теории неврозов они не играют принципиальной роли, приписываемой им Фрейдом.

Фрейд наблюдает своего пациента в постоянной зависимости от значимых объектов и в отношении к ним. Отец и мать играют здесь большую роль; какие бы другие значимые влияния и обуславливающие факторы ни входили в жизнь пациента, они оказываются в прямой каузальной зависимости от этих первичных факторов. Оплот сопротивления («*Piece de resistance*») его теории – это понятие переноса, т. е. отношение пациента к врачу. Объект, всегда оцениваемый специфическим образом либо желанный, встречает сопротивление, и это следует образцу, усвоенному в раннем детстве пациента через его отношения к отцу и матери. То, что исходит от субъекта, есть, в сущности, слепое влечение к удовольствию; но это влечение всегда приобретает свои качества от специфических объектов. У Фрейда объекты имеют величайшее значение и обладают почти исключительно детерминирующей

силой, тогда как субъект остается в высшей степени незначительным, являясь, по сути, не чем иным, как источником стремления к удовольствию и источником беспокойства. Как уже указывалось, Фрейд признает влечения Я, но уже сам этот термин указывает на то, что его представление о субъекте *toto coelo*²⁹ отличается от адлеровского, в котором субъект фигурирует как определяющий фактор.

Разумеется, оба исследователя рассматривают субъекта в его отношении к объекту; но насколько разным видится это отношение! Адлер делает акцент на субъекте, который вне зависимости от объекта пытается достичь собственной безопасности и стремится к верховенству; Фрейд же, напротив, делает упор лишь на объекты, которые в соответствии с их специфическим характером либо способствуют, либо препятствуют стремлению субъекта к удовольствию.

Это различие есть, вероятно, не что иное, как следствие разницы темпераментов, противоположности двух типов человеческой ментальности, один из которых предстает преимущественно субъектом, а второй – объектом. Промежуточная позиция, скажем, позиция «здорового смысла», полагала бы, что человеческое поведение обусловлено как субъектом, так и объектом. Оба исследователя, каждый со своей стороны, возможно, утверждали бы, что их теория не ставит своей задачей дать психологическое объяснение нормального человека, а является теорией неврозов. Но тогда, вероятно, Фрейду пришлось бы анализировать и лечить некоторых пациентов на манер Адлера, а Адлер должен был бы пойти на то, чтобы в определенных случаях всерьез принимать во внимание точку зрения своего бывшего учителя, чего не происходило ни в одном случае.

Эта дилемма поставила меня перед вопросом: а не существуют ли по меньшей мере два разных человеческих типа, из которых один больше заинтересован объектом, а другой – самим собой? И не объясняет ли это, что один видит лишь одно, а другой – только другое, и таким образом они приходят к совершенно различным выводам? Ведь нельзя же, как уже было сказано, полагать, что судьба столь изощренно сортирует пациентов, что определенная их группа неизменно попадает к определенному врачу. Я уже давно заметил как у себя самого, так и у своих коллег, что есть случаи, которые вызывают явную заинтересованность, тогда как другие отказываются укладываться в голову. Решающим для лечения всегда является установление добрых отношений между врачом и пациентом. Если в течение короткого времени не возникает естественной доверительности, то пациенту следует поискать другого доктора. Я никогда не останавливался перед тем, чтобы порекомендовать своему коллеге пациента, чье своеобразие противоречило моему видению, или пациента, который казался мне несимпатичным, и уж точно я делал это в его же интересах. Я полагаю, что в таких случаях я не смогу добиться хороших результатов.

Личность каждого по-своему ограничена, и поэтому психотерапевт всегда должен учитывать эту ограниченность. Слишком большие личностные расхождения или даже несовместимость вызывают несоразмерное и излишнее сопротивление, хотя оно вовсе не беспочвенно. Контroversa «Фрейд – Адлер» есть, попросту говоря, парадигма и всего лишь единственный случай среди многих возможных типологических установок.

Я много занимался этим вопросом и в конечном счете на основе множества наблюдений и опытов пришел к выводу о существовании двух основных установок, а именно интроверсии и экстраверсии. Первая установка обычно характеризует человека нерешительного, рефлексивного, замкнутого, который с трудом отвлекается от самого себя, избегает объектов, всегда находится немного в обороне и предпочитает недоверчивое критическое разглядывание. Вторая установка обычно характеризует человека любезного, судя по всему, открытого и предупредительного, который легко приспосабливается к любой данной ситуации, быстро

²⁹ Совершенно, полностью (*лат.*).

вступает в контакты и часто беззаботно и доверчиво, пренебрегая осторожностью, ввязывается в рискованные ситуации. В первом случае определяющую роль явно играет субъект, а во втором – объект.

Разумеется, я обрисовал эти типы лишь в самых общих чертах³⁰. В эмпирической действительности эти установки, к которым я скоро еще вернусь, редко наблюдаются в чистом виде. Они бесконечно варьируются и компенсируются, так что часто четко установить тип бывает совсем нелегко. В основу вариации – наряду с индивидуальными отклонениями – заложено преобладание одной из сознательных функций, например мышления или чувства, что всякий раз накладывает на основную установку особый отпечаток. Наиболее частые компенсации основного типа вообще обязаны жизненному опыту, который учит человека – возможно, и в весьма болезненной форме – не слишком уж давать волю своей натуре. В других случаях, например у невротиков, часто и не знаешь, с какой установкой – сознательной или бессознательной – имеешь дело, поскольку из-за диссоциации личности проявляется то одна, то другая, что не дает возможности сделать определенный вывод. По этой же причине столь затруднительна совместная жизнь с невротическими личностями.

Фактическое существование значительных типических различий, из которых я в только что упомянутой книге выделил и описал восемь групп³¹, дало мне возможность рассматривать обе эти противоречащие друг другу теории неврозов как проявление типологического антагонизма.

Эти выводы привели к необходимости возвыситься над противоположностями и создать теорию, которая отдавала бы должное не какой-то одной концепции, а в равной мере – обеим. Существенным моментом для этого была критика обеих приведенных теорий. Обе теории способны весьма болезненным образом свести высокие идеалы, героические установки, благородство чувств, глубокие убеждения к банальной реальности, если их, разумеется, применять к таким явлениям. Подобного ни в коем случае делать не следовало бы, ибо обе теории являются терапевтическими инструментами из арсенала врача, который острым и безжалостным скальпелем удаляет больные и приносящие вред участки. Это было также целью ницшевской разрушительной критики идеалов, которые он считал болезненными наростами на душе человечества (такowymi они иногда и бывают). В руках хорошего доктора, действительного знатока человеческой души, который, по словам Ницше, имеет тонкий нюх, и в применении к тому, что действительно является больным в душе, обе теории представляют собой целительные выжигающие средства, эффективные, если их применять в дозировке, соответствующей каждому индивидуальному случаю, но вредные и опасные в руках того, кто не умеет измерять и взвешивать. Это – критические методы, обладающие, как и любая критика, способностью благотворного воздействия там, где можно и должно разрушить, разложить и ограничить, но они причиняют только вред везде, где следует созидать.

Обе теории можно было бы принять без болезненных опасений лишь постольку, поскольку они, подобно медицинским ядам, находятся в надежной руке врача. Дело в том, что для успешного применения этих выжигающих средств требуется чрезвычайно глубокое знание психического. Тот, кто их применяет, должен уметь отличить больное и бесполезное от весьма ценного и подлежащего сохранению, а это – весьма трудное дело. Тот, кто хочет наглядно убедиться в том, как безответственно психологизирующий доктор может впасть в ошибку, будучи связан обывательскими, псевдонаучными предрассудками, тому достаточно взять в руки работу Мебиуса о Ницше или еще лучше – многочисленные «психиатрические»

³⁰ Разработка проблемы типов дана в моей книге «Психологические типы».

³¹ Естественно, это не включает все существующие типы. Кроме того, к критериям различий относятся возраст, пол, активность, эмоциональность и уровень развития. Основу моей типологизации составляют четыре ориентирующие функции сознания: ощущение, мышление, чувство, интуиция. См.: Юнг К. Г. Психологические типы. СПб.: Ювента, 1995. § 642 и далее.

труды о «случае» Христа. Тогда он без колебаний взывает к «тройственной ламентации» при мысли о пациенте, которому выпадет на долю такое «понимание».

Обе теории неврозов не являются общими, это средства, так сказать, местного значения. Они редуктивны и деструктивны. По любому поводу в них есть ответ: «Это не что иное, как...» Больному разъясняют, что его симптомы имеют такое-то и такое-то происхождение и являются не чем иным, как тем или этим. Было бы очень несправедливо всегда утверждать, что такая редукция в данном конкретном случае ошибочна; однако, будучи возведенной в ранг общего понимания сущности как больной, так и здоровой психики, редуктивная теория сама по себе невозможна. Ибо человеческая психика, будь она больной или здоровой, не может быть объяснена единственно путем редукции. Разумеется, Эрос присутствует всегда и везде, инстинкт власти определенно пронизывает все высоты и глубины психического; однако психическое есть не просто одно или другое или, если угодно, и то и другое вместе. Оно есть также то, что оно сделало или будет делать из них. Человек понят лишь наполовину, когда мы знаем, чем определяется его бытие. Если бы все объяснялось только этим, то человек мог бы с таким же успехом быть мертвым. Но как живущее создание он не понят, так как жизнь имеет не только Вчера, равно как и не объясняется сведением Сегодня к Вчера. Жизнь имеет также Завтра, и Сегодня становится понятным лишь тогда, когда мы оказываемся способными прибавить к нашему знанию то, что было вчера, и то, что будет Завтра. Это относится ко всем психологическим проявлениям жизни и даже к симптомам болезни. Дело в том, что симптомы невроза – это не только следствия имевших место однажды в прошлом причин, будь то «инфантильная сексуальность» или же «инфантильное побуждение к власти», но они суть также попытки некоторого нового синтеза жизни, следует добавить: безуспешные попытки, хотя при этом они остаются попытками, не лишенными внутренней ценности и смысла. Это – семена, не проросшие в силу неблагоприятных условий внутренней и внешней природы.

Читатель, несомненно, спросит: в чем же заключается ценность и смысл невроза, этого бесполезнейшего и ужаснейшего проклятия, посланного человечеству? Быть невротиком – что может быть хорошего в этом? Столько же, сколько в мухах и прочих паразитах, которых добрый Господь сотворил с тем, чтобы человек мог упражняться в полезной добродетели терпения. Насколько нелепа эта мысль с точки зрения естественной науки, настолько же она оправданна с точки зрения психологии, если мы вместо «нервные симптомы» скажем «паразиты». Даже Ницше, как никто другой, презиравший глупые и банальные мысли, не раз признавал, сколь многим он был обязан своей болезни. Я сам знал многих людей, которые свою полезность и оправданность своего существования связывали с неврозом, не дававшим им совершать те глупости, которые имели бы решающее значение в их жизни, и принуждавшим их к такому способу существования, когда развивались бы весьма ценные задатки. Последние оказались бы задушенными, если бы невроз железной рукой не ставил этих людей на соответствующее им место. Есть люди, которые лишь в бессознательном обладают пониманием смысла своей жизни и своего подлинного значения, а сознание их заполнено всем тем, что представляет для них ошибки и соблазн, уводящий их с правильного пути. С другими же все обстоит как раз наоборот, и здесь невроз имеет другое значение. В таких случаях показана полная редукция, недопустимая в вышеупомянутых случаях.

Здесь читатель может склониться к тому, чтобы в определенных случаях допустить возможность невроза в таком значении, однако все же будет готов отрицать наличие далеко идущей и полной смысла целесообразности этого заболевания в обычных, повседневных случаях. Что, например, ценного может иметь невроз в вышеупомянутом случае с астмой и истерическими приступами страха? Я допускаю, что ценность здесь не вполне очевидна, особенно если этот случай рассматривать с позиции редуктивной теории, т. е. с теневой стороны индивидуального развития.

Обе теории, обсуждавшиеся здесь, имеют, как мы видели, много общего: они безжалостно вскрывают все то, что принадлежит к теневой стороне человека. Это теории или, лучше сказать, гипотезы, которые объясняют нам, в чем состоит патогенный фактор. В соответствии с этим их интересуют не положительные ценности человека, а его отрицательные качества, которые проявляют себя в качестве расстройств.

«Ценность» есть некоторая возможность для выхода энергии. Но поскольку отрицательная ценность точно так же есть некоторая возможность для демонстрации энергии (что мы, например, четко можем наблюдать в случаях значительных проявлений невротической энергии), то она, по сути дела, тоже есть некоторая «ценность», но такая, которая делает возможными бесполезные и вредные демонстрации энергии. Дело в том, что энергия сама по себе не есть ни добро, ни зло, она ни полезна ни вредна, но индифферентна, так как все зависит от формы, в которую облачается энергия. Форма придает энергии ее качество. С другой стороны, однако, одна лишь форма без энергии точно так же нейтральна. Для получения действительной ценности необходимы и энергия, и ценностная форма. В неврозе психическая энергия³² представлена, без сомнения, в неполноценной и непригодной форме. Обе редуکتивные теории действуют, как растворители этой неполноценной формы. Здесь они оправдывают себя в качестве упомянутых выжигающих средств, с помощью которых мы получаем свободную, но нейтральную энергию. До сих пор господствовало допущение, что эта вновь приобретенная энергия оказывается в сознательном распоряжении пациента, так что он может применять ее по своему разумению. Поскольку при этом мыслилось, что эта энергия есть не что иное, как сила полового влечения, то речь шла о ее «сублимированном» применении с допущением того, что пациент с помощью анализа получает возможность «сублимировать» сексуальную энергию в некоторую другую форму, т. е. находить для нее некоторый несексуальный способ применения, например, занятие искусством или какой-либо еще благой или полезной деятельностью. Согласно этому взгляду, пациент имеет возможность произвольно или в соответствии со своей склонностью осуществить сублимацию своих инстинктивных сил.

Можно признать, что подобный взгляд имеет право на существование в той мере, в какой человек вообще в состоянии наметить линию своей жизни, которой ему следует придерживаться. Но мы знаем, что не существует такой человеческой дальновидности и жизненной мудрости, которая позволяла бы нам придать нашей жизни заранее намеченное направление, за исключением незначительных отрезков жизненного пути. Это справедливо, конечно, только в отношении «обычного» житейского типа, но не в случае «героического». Последний тип тоже существует, но, без сомнения, гораздо реже, чем первый. Здесь уже нельзя, конечно, сказать, что заданного направления в человеческой жизни нельзя предначертать, разве что на короткий отрезок. Героическое поведение безусловно, т. е. оно определяется судьбоносными решениями, и само решение двигаться в определенном направлении поддерживается и в случае вероятности печального конца. Ясно, что доктору приходится по большей части иметь дело с обычными людьми и гораздо реже с героями-добровольцами, но тогда, к сожалению, это в большинстве своем тот тип, чей показатель героизма есть инфантильное утешение перед лицом более сильной судьбы или же напыщенность, которая призвана скрыть раздражающее чувство неполноценности. В этом всеподавляющем рутинном существовании, увы, мало таких необычных проявлений, которые считались бы здоровыми, и здесь для бесспорного героизма места весьма мало. Не то чтобы требование героизма вообще не стоит перед нами: напротив, самое раздражающее и тягостное состоит как раз в том, что банальная повседневность обращает к нашему терпению, нашей преданности, выдержке, самоотречению свои требования, которые надо выполнять лишь со смирением и

³² Отсылаю читателя к моей работе: *Über psychische Energetik und das Wesen der Träume*, 1948 / Ges. Werke. Bd. 8.

без каких бы то ни было показных, героических жестов, для чего, однако, нужен героизм, хотя и неприметный внешне. Он лишен блеска, не вызывает похвал и постоянно стремится укрыться в повседневном одеянии. Таковы те требования, неисполнение которых приводит к неврозу. Чтобы уклониться от них, многие уже принимали смелые решения о своей жизни и реализовывали их, даже если в глазах большинства людей это выглядело большой ошибкой. Перед такой судьбой можно только склонить голову. Но, как я говорю, такие случаи редки; остальные же составляют подавляющее большинство. Для них направление их жизни не прямая, ясная линия; судьба предстает перед ними в запутанном виде и преисполненной различных возможностей, и все же лишь одна из этих многих возможностей есть их собственный и правильный путь. Кто мог бы, даже обладая всем доступным человеку знанием своего собственного характера, заранее предсказать ту самую единственную возможность? Много, разумеется, может быть достигнуто напряжением воли, но, беря за образец судьбу некоторых личностей, обладающих особенно сильной волей, было бы в корне ошибочно любой ценой подвергнуть нашу собственную судьбу изменению волевым усилием. Наша воля есть функция, направляемая рефлексией, следовательно, она так или иначе зависит от качества нашей рефлексии. Такие размышления – если это вообще есть некоторые размышления – должны быть рациональными, т. е. соответствовать разуму. Однако разве кто-нибудь когда-нибудь доказал и разве может это быть кем-нибудь доказано, что жизнь и судьба согласуются с человеческим разумом, т. е. что они также рациональны? Напротив, мы не без оснований предполагаем, что они тоже иррациональны, иначе говоря, что они в конечном счете имеют свое основание также и по ту сторону человеческого разума. Иррациональность события демонстрирует себя в том, что мы называем случаем, который мы, разумеется, вынуждены отрицать, потому что мы ведь не можем в принципе представить себе какой-либо процесс, который не был бы каузально обусловлен, следовательно, такой процесс и не может быть для нас случайным³³. На практике, однако, везде правит случай, и его очевидность настолько бьет в глаза, что мы могли бы с не меньшим успехом засунуть свою каузальную философию к себе в карман. Полнота жизни управляется законом и вместе с тем не закономерна, она рациональна и вместе с тем иррациональна. Поэтому разум и воля, укорененная в разуме, имеют силу лишь до определенной степени. Чем дальше мы движемся в направлении, избранном разумом, тем больше мы можем быть уверены, что тем самым исключаем иррациональную жизненную возможность, имеющую такое же право быть прожитой. Разумеется, способность определять направление своей жизни была весьма целесообразной для человека. Можно с полным правом утверждать, что достижение разумности есть величайшее завоевание человечества; тем не менее не сказано, что так должно или так будет продолжаться всегда. Страшная катастрофа Первой мировой войны перечеркнула расчеты даже наиболее оптимистически настроенных рационалистов в культуре. В 1913 г. Оствальд писал:

«Все человечество сходится в том, что современное состояние вооруженного мира – это состояние неустойчивое и постепенно становящееся невозможным. Оно требует от некоторых наций чудовищных жертв, которые значительно превосходят затраты на культурные цели, хотя тем самым отнюдь не обретаются какие-либо позитивные ценности. Если, таким образом, человечество сможет найти пути и средства к тому, чтобы прекратить подготовку к войнам, которые никогда не наступят, и отказаться от подготовки значительной части нации самого цветущего

³³ Современная физика покончила с этой строгой каузальностью. Теперь осталась только «статистическая вероятность». Еще в 1916 г. я указывал на ограничения каузального взгляда в психологии, за что и подвергся жесткой критике. См. мое предисловие ко второму изданию: *Collected Papers on Analytical Psychology / Freud and Psychoanalysis*. P. 293–294.

и работоспособного возраста к войне и ко всем прочим бесчисленным вредительствам, вызываемым современным состоянием, то тем самым будет сэкономлено столь огромное количество энергии, что с этого момента следовало бы рассчитывать на небывалый расцвет культурного развития. Ибо война – точно так же, как и личная борьба, – есть хотя и самое древнее из всех возможных средств разрешения противоречий между волями, однако именно поэтому – самое нецелесообразное, сопряженное со злейшим расточительством энергии. Полное устранение как потенциальной, так и актуальной войны всецело отвечает поэтому смыслу энергетического императива и является одной из важнейших культурных задач современности»³⁴.

Иррациональность судьбы, однако, не совпала с рациональностью добродетельных мыслителей; в дело были пущены не только горы накопленного оружия и множество солдат, но случилось гораздо большее, а именно чудовищное, безумное опустошение, массовое убийство небывалых масштабов, – из этого человечество, вероятно, могло бы сделать вывод о том, что только одной стороной судьбы можно овладеть с помощью рациональных намерений.

То, что истинно относительно человечества вообще, так же истинно и в отношении каждого отдельного человека, поскольку все человечество состоит исключительно из индивидов. И соответственно психология человечества является также и психологией отдельных людей. Мировая война страшно расплатилась с рациональными намерениями цивилизации. То, что у отдельного человека называется «волей», у наций именуется «империализмом», так как воля есть демонстрация власти над судьбой, т. е. исключение случая. Цивилизация есть рациональная, «целенаправленная сублимация свободных энергий, вызванная волей и намерением». То же самое происходит с индивидом; подобно тому как идея мировой цивилизации претерпела в этой войне пугающую корректировку, точно так же и отдельному человеку нередко приходится на опыте узнавать, что так называемые «имеющиеся в распоряжении» энергии не позволяют распоряжаться собой.

В Америке у меня однажды консультировался один коммерсант, которому было около 45 лет; его случай хорошо иллюстрирует только что сказанное. Это был типичный американец, самостоятельно выбившийся в люди из самых низов. Он был очень успешным и основал солидное предприятие. Ему удалось постепенно поставить дело так, что он мог уже подумывать о том, чтобы отойти от руководства и уйти в отставку. За два года до того, как я с ним встретился, он так и поступил. До этого он жил исключительно своим делом и концентрировал на нем всю свою энергию с той невероятной интенсивностью и однобокостью, которая характерна для преуспевающего американского бизнесмена. Он купил себе роскошную виллу, где и намеревался «жить», думая при этом о лошадях, автомобилях, гольфе, теннисе, приемах и т. д. Однако он ошибся в своих расчетах. Все эти манящие перспективы оказались для него совершенно непривлекательными; его энергия сосредоточилась совсем на ином, а именно: после нескольких недель долгожданной счастливой жизни он начал прислушиваться к некоторым необычным ощущениям в теле, и еще нескольких недель оказалось достаточно, чтобы повергнуть его в небывалую ипохондрию. Нервы его окончательно расстроились. Он, здоровый, физически необычайно крепкий, на редкость энергичный человек, превратился в раздражительного ребенка. Это был закат всей его доблести. Одни страхи сменялись другими, и он чуть ли не до смерти изводил себя ипохондрическими придирками и подозрениями. Тогда он проконсультировался у одного известного специалиста, который сразу совершенно правильно определил, что пациент нуждается лишь в одном, а именно

³⁴ *Ostwald Wilhelm. Die Philosophie der Werte. 1913. S. 312 f.*

– в работе. Пациент с этим согласился и вернулся на прежнюю позицию. Но, к его великому разочарованию, у него пропал интерес к своему делу. Ни терпение, ни решимость не помогали. Уже никакими средствами не удавалось направить энергию на дело. Его состояние еще более ухудшилось. Все, чем он жил прежде, вся его живая творческая энергия обернулась теперь против него со страшной разрушающей силой. Его творческий гений восстал, так сказать, против него, и точно так же, как прежде он вершил великие организационные дела, так теперь его демон творил не менее рафинированные хитросплетения ипохондрических иллюзорных умозаключений, которые просто убивали его. Когда я его увидел, он уже был безнадежной моральной развалиной. Я все же попытался разяснить ему, что хотя такая гигантская энергия и может быть отвлечена от дела, однако вопрос заключается в том, на что ее направить. Порой даже самые прекрасные лошади, самые быстрые автомобили и самые увлекательные вечеринки служат слабой приманкой для энергии, хотя, разумеется, было бы вполне разумным полагать, что человек, посвятивший всю свою жизнь серьезной работе, в определенном смысле имеет естественное право и повеселиться. Да, если бы судьба распорядилась в соответствии с человеческим разумом, тогда, пожалуй, последовательность должна была быть такой: сначала работа, а уже потом заслуженный отдых. Однако все происходит как раз иррационально, и, безусловно, энергия требует того течения, которое приходится ей по вкусу, а иначе она просто накапливается и, не имея выхода, становится деструктивной. Она возвращается к прежним ситуациям, в случае с этим человеком – к воспоминанию о заражении сифилисом, случившемся с ним 25 лет назад. Однако и это было лишь этапом на пути возрождения инфантильных реминисценций, которые уже было почти исчезли у него. Именно изначальное отношение к матери определило направленность его симптоматики: это была та «упорядоченность», целью которой было добиться внимания и интереса своей давно умершей матери. Но и это было еще не все; ибо цель состояла в том, чтобы вернуться к своему собственному телу, после того как начиная с юности вся его жизнь была сосредоточена лишь в голове. Он дифференцировал одну сторону своего существа; другая же сторона осталась пребывать в инертном телесном состоянии. Но именно эта другая сторона нужна была бы ему для того, чтобы он мог «жить». Ипохондрическая «депрессия» снова толкала его к телу, которое он всегда игнорировал. Если бы он смог последовать в направлении, указываемом ему депрессией и ипохондрической иллюзией, и осознать те фантазии, которые возникали в таком состоянии, то это было бы путем к спасению. Однако мои аргументы, как и следовало ожидать, не встретили сочувствия. Столь запущенный случай можно лишь пытаться облегчить, пока человек жив, но едва ли можно его вылечить.

Этот пример ясно показывает, что мы не можем произвольно переводить «свободную» энергию на тот или иной рационально выбранный объект. То же самое справедливо и в отношении тех якобы свободных энергий, которые мы получаем с помощью редуцирующего, разъедающего анализа, разрушая их неподобающие формы. Как уже было сказано, такая энергия может быть применена произвольно в лучшем случае лишь на короткое время. Но в большинстве случаев она противится тому, чтобы сколько-нибудь длительный период придерживаться рационально навязываемых ей возможностей. Психическая энергия очень прихотлива, ей свойственно реализовывать свои собственные состояния. Энергии может быть сколько угодно, однако мы не сможем использовать ее до тех пор, пока нам не удастся создать для нее подходящее течение.

Проблема градиента или «уклона» носит в высшей степени практический характер и возникает в большинстве случаев анализа. Например, когда в благоприятном случае свободная энергия, так называемое либидо³⁵ направляется на разумно выбранный объект, то можно

³⁵ Из вышесказанного читателю должно быть ясно, что понятие либидо, введенное Фрейдом, и весьма подходящее для практического употребления, я использую в гораздо более широком смысле. Под либидо я подразумеваю психическую

полагать, что это преобразование удалось осуществить сознательным усилием воли. Но это заблуждение, потому что даже и величайшего усилия воли оказалось бы недостаточно, если бы вместе с тем не существовало тенденции или градиента, имеющего то же самое направление. Насколько важен этот градиент (уклон), можно наблюдать в тех случаях, когда, с одной стороны, несмотря на самые отчаянные усилия, а с другой – невзирая на то, что избранный объект или желаемая форма очевидны для каждого в силу своей рациональности, осуществить преобразование не удастся, а все происходящее оказывается новым подавлением.

Мне стало совершенно ясно, что жизнь может продолжаться лишь в направлении своего градиента или уклона. Однако энергии не возникнет, пока не появится напряжение противоположностей; поэтому должна быть найдена противоположная установка сознательного разума. Интересно видеть, как эта компенсирующая противоположность сыграла свою роль и в истории теорий неврозов: теория Фрейда выставляет Эрос, а концепция Адлера – волю к власти. Логически противоположностью любви является ненависть, и, стало быть, Эросу противостоит Фобос (страх); но психологически мы имеем здесь волю к власти. Там, где царствует любовь, воля к власти отсутствует, и, где правит власть, там любви недостает. Одно есть Тень другого: человек, вставший на точку зрения Эроса, обнаружит свою компенсирующую противоположность в воле к власти, а для того, кто делает упор на власть, компенсацией будет Эрос. С точки зрения односторонней установки сознания Тень – вполне полноценный компонент личности, соответственно вытесненный путем сильного сопротивления. Но само вытесненное содержание должно быть осознано, чтобы возникло напряжение противоположностей, без которого невозможно дальнейшее движение. Сознательный разум располагается наверху, а Тень – внизу, и точно так же, как высокое стремится вниз, а горячее – к холодному, так и всякое сознание, возможно, ненамеренно ищет свою бессознательную противоположность, без которой оно осуждено на застой, деградацию и закоснение. Жизнь рождается только из всплеск противоположностей.

То, что побудило Фрейда выставить в качестве противоположности Эросу инстинкт разрушения и смерти, было уступкой, с одной стороны, интеллектуальной логике, а с другой – психологическому предрассудку. Прежде всего, Эрос не равнозначен жизни; но для всякого, кто об этом думает, противоположностью Эроса, естественно, будет являться смерть. Далее, мы все чувствуем, что противоположностью нашему самому высокому принципу должно быть что-то чисто деструктивное, смертоносное и злое. Мы отказываемся признать за ним позитивную жизненную силу; следовательно, избегаем и боимся его.

Как уже было упомянуто, существует много высших принципов как в жизни, так и в философии и в соответствии с этим – столь же много различных форм компенсирующей противоположности. Выше я выделил, как мне кажется, два главных типа противоположностей, которые обозначил как интровертный и экстравертный типы. Уже Вильям Джемс³⁶ поразился наличию этих двух типов среди мыслителей. Он различал их как «мягкий» и «жесткий». Сходным образом Оствальд³⁷ обнаружил аналогичное разделение на «классический» и «романтический» типы среди ученых. Таким образом, я совсем не одинок, предлагая

энергию, которая эквивалентна интенсивности психических содержаний. Фрейд в соответствии со своими теоретическими воззрениями отождествляет либидо с Эросом и стремится отделить его от общей психической энергии. Так, он говорит в «Трех очерках по введению в теорию сексуальности» (Gesammelte Schriften. Bd. 5. S. 92): «Мы устанавливаем понятие либидо как некоторой количественно изменяющейся силы, которой можно было бы измерять процессы и преобразования в сфере сексуального возбуждения. Это либидо мы отличаем от той энергии, которую следует считать лежащей в основе психических процессов вообще...» В другом месте Фрейд замечает, что в случае инстинкта разрушения у него нет «аналогичного либидо термина». Но так как инстинкт разрушения есть энергетический феномен, то, кажется, было бы гораздо проще определить либидо в качестве понятия, включающего психические интенсивности, и соответственно как понятие общей психической энергии. См. мою работу: Symbols of Transformation. Pars. 190 и далее, а также: On Psychic Energy // CW 8, pars 4ff.

³⁶ James W. Pragmatism. 1907. Рус. пер. – Джеймс В. Прагматизм. М., 1911.

³⁷ Große Männer. Leipzig, 1910.

идею типов, даже если упомянуть среди множества других только эти два хорошо известных имени. Исторические исследования показали мне, что немало великих духовных споров имеют в своем основании противоположность этих двух типов. Наиболее знаменательный случай такого рода – это спор между номинализмом и реализмом, начало которому было положено разногласиями между платоновской и мегарской школами и который был унаследован схоластической философией, в которой Абельяр снискал себе величайшую заслугу тем, что по крайней мере осмелился на попытку объединения противоположных точек зрения в своем «концептуализме»³⁸. Этот спор продолжается и по сей день, проявляясь как противоположность идеализма и материализма. Не только человеческий разум вообще, но и каждый отдельный носитель причастен к данной противоположности типов. При более внимательном исследовании выяснилось, что в брак вступают преимущественно люди, относящиеся к разным типам, причем бессознательно для взаимного дополнения. Рефлексивная природа интроверта побуждает его постоянно думать и размышлять перед тем, как действовать. Это, естественно, заставляет его действовать более медленно. Его стеснительность и недоверие к вещам приводят его к нерешительности, и, таким образом, он всегда имеет трудности с приспособлением к внешнему миру. Экстраверт, наоборот, имеет положительное отношение к вещам.

Они его, так сказать, привлекают. Новые незнакомые ситуации очаровывают его. Чтобы познакомиться поближе с неизвестным, он буквально прыгает в него обеими ногами. Как правило, он сначала действует и лишь потом начинает думать. Поэтому его действия носят быстрый характер и не подвержены сомнениям и колебаниям. Эти два типа поэтому как бы созданы для симбиоза. Один берет на себя обдумывание, а другой – инициативу и практические действия. Поэтому супружество между представителями этих двух различных типов может быть идеальным. Пока они заняты приспособлением к разнообразным внешним жизненным потребностям, они великолепно подходят друг другу. Но если, например, мужчина заработал уже достаточно денег или если судьба послала им большое наследство и тем самым трудности жизни отпадают, то тогда у них появляется время, чтобы заняться друг другом. До этого они стояли спиной друг к другу и защищались от нужды. Теперь же они поворачиваются лицом к лицу, хотят друг друга понять и делают открытие, что такого понимания у них никогда не было. Каждый говорит на своем языке. Так начинается конфликт двух типов. Эта борьба связана с проявлением злобы, с жестокостью и взаимным обесцениванием, даже если она и ведется спокойно и в интимной обстановке. Ибо ценность одного есть отрицание ценности другого. Было бы разумно полагать, что каждый, сознавая свою собственную ценность, мог бы вполне мирно признать ценность другого и что таким путем любой конфликт был бы излишним. Я наблюдал много случаев, когда аргументация подобного рода признавалась убедительной, но при этом удовлетворительной цели не достигалось. Если речь идет о нормальных людях, такой критический переходный период преодолевается более или менее гладко. Под «нормальным» я имею в виду того или иного человека, который может существовать при всех обстоятельствах, обеспечивающих ему необходимый минимум жизненных возможностей. Но многие этого делать не могут; поэтому-то и не слишком много нормальных людей. То, что мы обычно подразумеваем под «нормальным человеком», – это в действительности некая идеальная личность, чьи счастливые сочетания черт, определяющих ее характер, – явление редкое. Подавляющее большинство более или менее дифференцированных людей требует жизненных условий, гораздо больших, нежели обеспеченное питание и сон. Для них конец симбиотических отношений приводит к тяжелому потрясению.

³⁸ См.: Юнг К. Г. Психологические типы. СПб., 1995. § 68.

Не так-то легко понять, почему дело обстоит именно так. Однако, если принять во внимание, что ни один человек не является только интровертом или только экстравертом, а сочетает обе возможные установки, но так, что лишь одна из них получает у него развитие в качестве функции приспособления, то легко можно прийти к предположению, что у интроверта где-то на заднем плане в неразвитом состоянии дремлет экстраверсия, тогда как у экстраверта подобное теневое существование ведет интроверсия. Так оно и происходит. Интроверт обладает экстравертной установкой, но она бессознательна, потому что его сознание всегда направлено на субъект. Конечно, он видит объект, но имеет о нем ложное или искаженное представление, так что он по возможности держит дистанцию, как если бы объект представлял собой нечто угрожающее и опасное. Поясню, что я имею в виду с помощью простой иллюстрации.

Предположим, двое молодых людей путешествуют вместе по стране. Они приходят к одному прекрасному замку. Оба хотят заглянуть в него. Интроверт говорит: «Я бы хотел знать, как он выглядит изнутри». Экстраверт отвечает: «Давай войдем» – и собирается пройти через ворота. Интроверт удерживает его: «А может быть, вход запрещен», – имея в виду смутные представления о полиции, наказании, злых собаках и т. д.; на это экстраверт отвечает: «Но ведь мы же можем спросить. Уж наверное нас пропустят», – представляя при этом добродушных старых хранителей, радушных хозяев замка и возможные романтические приключения. И далее с помощью экстравертного оптимизма они в конце концов оказываются в замке. И тут возникает развязка. Замок внутри перестроен, и в нем находятся лишь два зала с какой-то коллекцией старых рукописей. Как и следует ожидать, они приводят в восторг юношу-интроверта. Едва увидев их, он словно преображается. Он погружается в созерцание сокровищ, восторженные слова срываются с его губ. Он вовлекает в разговор зрителя, желая получить от него как можно больше сведений, и так как результат оказывается скромным, то юноша осведомляется о хранителе, с тем чтобы немедленно посетить его и задать ему свои вопросы. Его застенчивость исчезла, объекты обрели соблазнительный блеск, и мир предстал в новом обличье. Между тем бодрость экстраверта все больше и больше убывает, лицо его постепенно вытягивается, и он начинает зевать. Нет здесь ни добродушных хранителей, ни рыцарского гостеприимства, не видать и намека на возможность романтических приключений – это всего лишь переделанный в музей замок. Рукописи можно рассматривать и дома. В то время как энтузиазм одного нарастает, настроение другого падает: замок нагоняет на него тоску, рукописи напоминают о библиотеке, библиотека ассоциируется с университетом, университет – с зубрежкой и грозящим экзаменом. И постепенно мрачная пелена окутывает замок, казавшийся ему недавно столь интересным и заманчивым. Объект становится негативным. «Разве не здорово, – восклицает интроверт, – что мы совершенно случайно обнаружили такую чудесную коллекцию!» – «Мне кажется, что здесь ужасно скучно», – отвечает второй, не скрывая своего дурного расположения духа. Это вызывает досаду первого, и он про себя решает никогда больше не путешествовать с экстравертом. Последний же приходит в раздражение от раздраженности первого и говорит себе, что он всегда считал его бесцеремонным эгоистом, готовым из-за своих личных интересов пренебречь такой прекрасной весенней погодой, которой гораздо уместнее было бы наслаждаться там, снаружи.

Что же случилось? Оба странствовали в счастливом единении друг с другом, пока не пришли к роковому замку. Там предусмотрительный (или прометеевский) интроверт сказал, что замок может быть осмотрен изнутри, а действующий и лишь затем думающий (эпиметеевский) экстраверт открыл двери³⁹. В этом месте происходит обращение типов: интро-

³⁹ См. мои замечания относительно книги Шпиттелера: Prometheus und Epimetheus / Psychological Types. Pars. 275 ff. Рус. пер. – Юнг К.Г. Психологические типы. СПб., 1995. § 275 и далее.

верт, который сначала противился тому, чтобы войти, теперь уже не хочет уходить, тогда как экстраверт проклинаят тот момент, когда они проникли в замок. Первый околдован объектом, второй – своими негативными мыслями. Как только первый увидел рукописи, его словно подменили. Робость его исчезла, объект завладел им, и он охотно отдался ему. Второй, напротив, ощущал в себе нарастающее сопротивление объекту и, наконец, оказался в плену у своего находящегося в дурном настроении субъекта. Первый стал экстравертом, а второй – интровертом. Однако экстраверсия интроверта отличается от экстраверсии экстраверта, и интроверсия экстраверта отличается от интроверсии интроверта. Когда раньше оба совместно путешествовали и пребывали в радостной гармонии, они не мешали друг другу, потому что каждый сохранял свое естественное своеобразие. Оба были доброжелательны друг к другу, потому что их установки взаимодополнялись. Однако они были взаимодополнительными потому, что установка одного всегда включала в себя и установку другого. Мы видим это, например, в коротком разговоре перед воротами: оба хотят войти в замок. Сомнение интроверта по поводу того, возможен ли вход, имеет свою силу и для другого. Инициатива экстраверта также значима и для его товарища. Таким образом, установка одного включает в себя и установку другого, и так в той или иной мере дело обстоит всегда, когда индивид пребывает в естественной для него установке, ибо эта установка более или менее коллективно адаптирована. Это относится и к установке интроверта, хотя она всегда исходит от субъекта. Она просто направлена от субъекта к объекту, тогда как установка экстраверта направлена от объекта к субъекту.

Но в тот момент, когда в случае интроверта объект перевешивает субъекта и притягивает его, установка теряет социальный характер. Он забывает о присутствии своего спутника, не включает его больше в свою установку; он погружается в объект и не видит, как сильно скучает его товарищ. Соответствующим образом и экстраверт перестает принимать во внимание другого в тот момент, когда разочаровывается в своих ожиданиях и уходит в себя, погружаясь в свои субъективные размышления и капризы.

Мы поэтому можем сформулировать смысл события следующим образом. У интроверта через влияние объекта проявилась подчиненная экстраверсия, тогда как у экстраверта место его социальной установки заняла подчиненная интроверсия. Тем самым мы возвращаемся к тому положению, с которого начали: «Ценность одного есть отрицание ценности другого».

Как позитивные, так и негативные события могут конstellлировать подчиненную противofункцию. В этих случаях возникает чувствительная реакция: обида, ранимость. Уязвимость есть характерный знак присутствия неполноценности. Тем самым создается психологическая основа для разногласий и недоразумений, и не только между двумя людьми, но и в нас самих. Сущность подчиненной функции⁴⁰ характеризуется автономией; она независима, она нападает, очаровывает и опутывает нас так, что мы уже перестаем быть хозяевами самих себя и не можем далее выстроить правильное различие между собой и другими.

И все же для развития характера необходимо, чтобы мы дали возможность найти свое выражение и другой стороне, т. е. именно подчиненной функции; ибо мы, пожалуй, не можем надолго предоставить другому симбиотически заботиться о нашей личности, так как момент, когда у нас возникнет нужда в другой функции, может наступить в любое время и застать нас неподготовленными, как это и показывает вышеприведенный пример. И последствия могут быть тяжелыми: экстраверт теряет тем самым свое необходимое ему отношение к объектам, а интроверт свое – к субъекту. В свою очередь, необходимо, чтобы интроверт добился такого поведения, которое не тормозится постоянно раздумьями и колебаниями, и чтобы экстраверт вспомнил о себе, не причиняя тем самым ущерба своим отношениям.

⁴⁰ См.: Psychological Types. Def. 30.

Вполне понятно, что когда мы говорим об экстраверсии и интроверсии, то речь идет о двух противоположных друг другу естественных установках, или направленных движениях, которые Гете когда-то назвал диастолой и систолой. Они должны были бы своим гармоническим чередованием создавать ритм жизни; однако, как представляется, необходимо высочайшее искусство жизни для того, чтобы достичь этого ритма. Либо необходимо действовать совершенно бессознательно, так, чтобы естественный закон не нарушался никаким сознательным поступком, либо быть сознательным в еще более высокой степени, чтобы быть готовым к осуществлению и противоположных движений. Поскольку мы не можем развиваться в обратном направлении, к животному бессознательному, то остается лишь более тяжелый путь вперед к более высокому сознанию. Разумеется, такое сознание сделало бы возможным сосуществование великих Да и Нет нашей свободной воли и цели в жизни, что, согласитесь, – прямо-таки сверхчеловеческий идеал. Наш современный духовный склад, пожалуй, позволяет лишь сознательно проявлять желание Да и смириться с Нет. Если это так, то уже многое достигнуто.

Проблема противоположности как внутренне присущего человеческой природе принципа составляет дальнейший этап в нашем процессе реализации. Как правило, это одна из проблем зрелости. Практическая работа с пациентом едва ли начинается с этой проблемы, особенно если речь идет о молодых людях. Неврозы у молодежи обычно возникают в результате конфликта между силами реальности и неадекватной, инфантильной установкой, которая с каузальной точки зрения характеризуется аномальной зависимостью от реальных или воображаемых родителей, а с телеологической точки зрения – недостижимыми фикциями, планами и устремлениями. Здесь вполне уместны редуктивные методы Фрейда и Адлера. Но существуют неврозы, которые возникают только в зрелом возрасте или усиливаются до такой степени, что пациенты, к примеру, оказываются неспособными к работе. Естественно, в таких случаях можно указать на то, что уже в юности отмечалась слишком сильная зависимость от родителей и наличествовали всевозможные инфантильные иллюзии, однако все это не помешало людям выбрать себе профессию и успешно работать, жениться или выходить замуж и как-то вести семейную жизнь до того момента в более зрелом возрасте, когда прежняя установка вдруг оказывалась несостоятельной. В таких случаях, естественно, мало пользы от того, чтобы осознать детские фантазии, зависимость от родителей и т. д., хотя это и является необходимой составной частью процедуры и потому часто оказывается полезным делом. Но реальная терапия начинается в таких случаях лишь тогда, когда пациент понимает, что уже не отец и мать стоят у него на пути, а он сам, т. е. бессознательная часть его личности, которая берет на себя роль отца и матери. Однако это понимание, сколь бы полезным оно ни было, носит пока еще негативный характер, т. е. оно выражается так: «Я знаю, что это не отец и мать противостоят мне, но я сам». Но кто же в нем противостоит ему? Что это за таинственная часть его личности, скрывавшаяся за образами отца и матери и так долго заставлявшая его верить, что причина его недуга некогда внедрилась в него извне? Эта часть есть противоположность его сознательной установки, до тех пор не дающая ему покоя и мешающая ему, пока он ее не примет. Разумеется, для молодых людей освобождение от прошлого может оказаться достаточным, ибо перед ними простирается манящее будущее, богатое возможностями. Достаточно лишь разорвать некоторые путы, и жажда жизни сама сделает все остальное. Однако совсем иная задача стоит тогда, когда мы имеем дело с людьми, у которых большая часть жизни уже позади, которым уже не улыбаются какие-либо особенные возможности в будущем и у которых впереди все те же давно уже привычные обязанности и сомнительные удовольствия приближающейся старости.

Если нам удастся освободить молодых людей от их прошлого, то мы видим, что они переносят имаго-образы⁴¹ своих родителей на более подходящие замещающие фигуры. Например, чувство, которое было связано с матерью, теперь направляется на жену, и авторитет отца уступает место авторитету уважаемых учителей и начальников или же социальных институций. Это, правда, не фундаментальное решение проблемы, но практический путь, по которому бессознательно и поэтому без особых достойных упоминания препятствий и противодействий идет и нормальный человек.

Проблема взрослого выглядит совершенно иначе. Он уже – с большими или меньшими трудностями – прошел эту часть пути. Он освободился от – давно уже, может быть, умерших – родителей, он искал и нашел свою мать в жене, а в случае женщины – отца в муже. Он почитал своего отца и социальные институты, сам стал отцом, и теперь, имея все это уже позади, пришел к пониманию, что то, что сперва означало для него поддержку и удовлетворение, оказалось тягостным заблуждением, частью юношеских заблуждений, на которые теперь он оглядывается отчасти с сожалением, отчасти с завистью, так как впереди у него нет уже ничего, кроме старости и конца всех иллюзий. Здесь нет уже ни отца, ни матери; все его заблуждения, которые он проецировал в мир и в вещи, вернулись постепенно к нему назад изношенными и изжившими себя. Энергия, возвращающаяся из всех этих многочисленных отношений, приходится на долю бессознательного и оживляет в нем все то, развитием чего он до сих пор пренебрегал.

Когда скованные неврозом инстинктивные силы освобождаются, они сообщают молодому человеку душевный подъем, надежду и благоприятный прогноз на будущее. Для человека, находящегося во второй половине своего жизненного пути, развитие дремлющей в бессознательном противоположной сознанию функции означает некоторое обновление жизни; но это развитие уже не проходит через освобождение от инфантильных привязанностей, через разрушение инфантильных иллюзий и перенос старых имаго на новые фигуры: оно проходит через проблему противоположностей.

Принцип противоположности является фундаментальным и в юности, и в психологической теории следовало бы это учитывать. Воззрения Фрейда и Адлера противоречат друг другу лишь тогда, когда их выдвигают в качестве общезначимой теории. В том же случае, когда они остаются техническими вспомогательными представлениями, они не противоречат друг другу и не исключают друг друга. Психологическая теория, которая должна быть чем-то большим, чем только техническим инструментом, должна базироваться на принципе противоположности, ибо без этого принципа она может реконструировать лишь ту или иную невротически не сбалансированную психику. Без противоположности не существует ни равновесия, ни саморегулирующейся системы. Психическое и есть такая саморегулирующаяся система.

2

Если здесь мы продолжим ту линию нашего рассуждения, от которой мы отклонились, то можно сказать, что теперь становится ясно, каким образом именно в неврозе могут быть заключены те ценности, которых не хватает индивиду. Мы можем теперь снова вернуться к рассмотренному случаю молодой женщины и применить к нему полученное знание. Если мы предположим, что эта больная «проанализирована», т. е. благодаря лечению ей стало

⁴¹ Понятие, введенное Юнгом в 1911 г. и принятое в психоанализе. Оно используется для установления отличия объективной реальности того или иного субъекта или предмета от субъективного восприятия его значения. Имаго-образы являются следствием комбинации личностного переживания и архетипических образов в коллективном бессознательном. – *Примеч. пер.*

ясно, какие бессознательные мысли скрывались за ее симптомами, в результате чего она снова вступила во владение той бессознательной энергией, которая составляла силу симптома, – то тогда возникает практический вопрос: что же должно произойти со свободной энергией? В соответствии с психологическим типом больной было бы разумно снова перенести эту энергию на объект: например, это могла бы быть филантропическая деятельность или еще что-нибудь полезное. В исключительных случаях – для особенно энергичных натур, которые не боятся при случае довести себя до самоистязания, или для людей, склонных именно к такого рода деятельности, – этот путь возможен, но в большинстве случаев он непригоден. Ибо не будем забывать, что либидо (так технически именуется эта психическая энергия) уже бессознательно имеет свой объект, и это – молодой итальянец или какой-либо подходящий реальный человеческий заместитель. В этих обстоятельствах, разумеется, подобная сублимация столь же желательна, сколь и невозможна, потому что по большей части реальный объект представляет значительно лучший градиент (уклон) для энергии, чем самая восхитительная этическая деятельность. К сожалению, слишком многие из нас всегда говорят лишь о том, каким человеку желательно было бы быть, но никогда о том, каков он на самом деле. Доктор, однако, всегда имеет дело с реальным человеком, который с упорством остается самим собой, пока не распознает все стороны своей реальности. Подлинное воспитание может поэтому исходить из голой действительности, а не из обманчивого идеала.

Если человек не может направлять так называемую свободную энергию по своей воле, то мы имеем дело с неблагоприятным случаем. Энергия следует в соответствии со своим градиентом. Она уже нашла этот градиент еще до того, как мы целиком освободили ее от привязанности к неподходящей форме. А именно: мы делаем открытие, что фантазии пациентки, которые прежде были направлены на молодого итальянца, теперь перенесены на доктора⁴². Доктор сам стал объектом бессознательного либидо. Если же пациентка ни при каких обстоятельствах не желает признавать факт переноса⁴³ или если доктор не может понять его или понимает это явление неправильно, то возникает яростное сопротивление, направленное на то, чтобы сделать отношения с доктором совершенно невозможными. Тогда больной уходит и ищет другого доктора или такого человека, который его поймет, и если даже он отказывается от подобных поисков, то «зацикливается» на своей проблеме.

Когда же перенос на врача имеет место и принимается, то обнаруживается некоторая новая естественная форма, которая не только заменяет прежнюю, но и делает возможным относительно бесконфликтное протекание энергетического процесса. Поэтому если предоставить либидо естественную свободу движения, то оно самостоятельно находит путь к предназначенному ему объекту. Там, где этого не случается, речь всегда идет о волевом сопротивлении законам природы или о приводящем к расстройству влиянии.

При переносе проецируются все возможные инфантильные фантазии. Они должны быть вытравлены, т. е. разрешаются с помощью редуکتивного анализа, и это принято называть «ужесточением переноса». Тем самым энергия оказывается снова высвобожденной из той или иной непригодной формы, и мы снова стоим перед проблемой свободной энергии. Мы снова должны довериться природе, надеясь на то, что еще до того, как мы начали свои поиски, уже был избран тот объект, который обеспечит наиболее благоприятный градиент.

⁴² Фрейд ввел понятие переноса для того, чтобы обозначить проекцию бессознательных содержаний.

⁴³ В отличие от других теоретиков, я вовсе не убежден в том, что «перенос на доктора» является закономерным явлением, необходимым для успешного лечения. Перенос – это проекция, а проекция либо есть, либо ее нет. И она никак не может быть необходимой. Ни в коем случае она не может быть «сделана», так как по определению она возникает из бессознательных мотиваций. Доктор может быть подходящим объектом для проекции, а может и не быть. Во все не утверждается, что он при всех обстоятельствах соответствует естественной наклонности либидо пациента; ибо вполне возможно, что либидо последнего приглянулся гораздо более значительный объект для его проекций. Отсутствие проекций, направленных на доктора, может при известных обстоятельствах даже значительно облегчить лечение, потому что тогда на передний план могут более открыто выходить действительные личностные ценности.

V. Личное и коллективное (или трансличное) бессознательное

И вот мы приступаем к новому этапу в процессе реализации. Мы продолжали анализ инфантильных фантазий переноса до тех пор, пока пациенту не стало достаточно ясно, что он сделал из своего врача отца и мать, дядю, опекуна и учителя или другую фигуру родительского авторитета. Однако, как вновь и вновь показывает опыт, возникают еще и другие фантазии, представляющие доктора в качестве Спасителя или богоподобного существа, разумеется, в полном противоречии со здравым рассудочным сознанием. Кроме того, оказывается, что их божественные атрибуты выходят далеко за рамки христианского мировоззрения, в атмосфере которого мы выросли; они принимают языческие черты и очень часто появляются в животной форме.

Перенос сам по себе есть не более чем та или иная проекция бессознательных содержаний. Сначала проецируются так называемые поверхностные содержания бессознательного, что видно из симптомов, сновидений и фантазий. В этом состоянии доктор вызывает интерес в качестве возможного возлюбленного (вроде того молодого итальянца в описанном нами случае). Затем он выступает в большей степени в качестве отца: либо хорошего, добродушного, либо «грозного» в соответствии с теми качествами, которыми обладал в глазах пациента его действительный отец. Иногда доктор обретает для пациента и материнские черты, что выглядит уже несколько странно, но все же находится в пределах возможного. Все эти проекции фантазий основаны на личных воспоминаниях.

Наконец, могут появиться фантазии, носящие экстравагантный характер. Тогда доктор наделяется сверхъестественными свойствами, выступая, скажем, в качестве колдуна или злого, опасного демона или же олицетворяя благо в качестве Спасителя. Вполне возможно и смешение того и другого. Разумеется, сознание пациента вовсе не обязательно воспринимает его в таком виде, а просто на поверхность выступают фантазии, наделяющие врача некими чертами. Таким пациентам часто очень трудно бывает понять, что фактически их фантазии исходят от них самих и, по сути дела, не имеют ничего или имеют очень мало общего с характером доктора. Это заблуждение происходит оттого, что для этого вида проекций личных оснований в памяти нет. При случае можно продемонстрировать, что похожие фантазии имелись в детстве и были связаны с отцом или матерью, хотя ни отец, ни мать на самом деле не давали к ним никакого повода.

В одной небольшой работе Фрейд⁴⁴ показал, какое влияние на Леонардо да Винчи оказал тот факт, что у него было две матери. Факт наличия двух матерей, или двойного происхождения, был в случае Леонардо вполне реальным, но он играл также некую роль и в жизни других художников. Так, у Бенвенуто Челлини была фантазия о своем двойном происхождении. В общем это мифологический мотив. Многие легендарные герои в сказаниях и сагах имели двух матерей. Подобная фантазия проистекает не столько из действительного факта, сколько из общераспространенного, «изначального» образа, принадлежащего не к области личных воспоминаний, а к тайнам ментальной истории человечества.

У каждого отдельного человека, помимо личных воспоминаний, существуют великие «изначальные» образы, как их однажды весьма метко назвал Якоб Буркхардт, т. е. унаследованные возможности человеческих представлений, существующих испокон веков. Факт такого унаследования объясняет странные по сути явления: что известные мотивы из мифов и сказаний повторяются повсеместно на планете в одинаковых формах. Он объясняет далее,

⁴⁴ Eine Kindheitserinnerung des Leonardo da Vinci. 1910.

отчего, к примеру, наши душевнобольные могут в точности репродуцировать образы и взаимосвязи, которые нам известны из старинных текстов. Некоторые примеры подобного рода я привел в своей книге «Символы трансформации»⁴⁵.

При этом я вовсе не утверждаю, что наследуются идеи или представления, по наследству передается лишь сама возможность идей или представлений, что совсем не одно и то же.

И вот на этой дальнейшей стадии лечения, когда воспроизводятся фантазии, уже не основывающиеся на личных воспоминаниях, речь идет о проявлениях более глубокого слоя бессознательного, где дремлют общечеловеческие, изначальные образы. Эти образы или мотивы я назвал «архетипами», а также «доминантами» бессознательного. С целью более детального разъяснения этой идеи я должен отослать читателя к соответствующей литературе⁴⁶.

Это открытие означает дальнейший шаг вперед в нашем понимании: признание наличия в бессознательном двух слоев. Мы должны различать личное и безличное (или трансличное) бессознательное. Последнее мы называем также коллективным бессознательным⁴⁷ именно потому, что оно отделено от личного и является абсолютно универсальным, и потому, что его содержания могут быть обнаружены повсюду, чего как раз нельзя сказать о личных содержаниях. Личное бессознательное содержит утраченные воспоминания, болезненные вытесненные (т. е. намеренно забытые) мысли, подпороговые (сублиминальные) восприятия, т. е. чувственные перцепции, которые оказались недостаточно сильными для того, чтобы достичь сознания, и, наконец, содержания, которые еще не созрели для сознания. Оно соответствует фигуре тени, столь часто встречающейся в сновидениях⁴⁸.

Изначальные образы – это наиболее древние и наиболее всеобщие «мыслеформы» человечества. Они в равной мере представляют собой как чувства, так и мысли; они даже ведут свою собственную, самостоятельную жизнь на манер парциальных душ⁴⁹, что легко можно обнаружить в тех философских или гностических системах, которые опираются на осознание бессознательного как на источник знания. Представление об ангелах, архангелах, «тронах и господствах» у Павла, архонтах у гностиков, небесной иерархии у Дионисия Ареопагита – все это происходит из восприятия относительной автономии архетипов.

Итак, мы обнаружили тот объект, который избирает либидо, после того как оно оказывается высвобожденным из личностной инфантильной формы переноса. Оно следует своему собственному градиенту или уклону, погружается в глубины бессознательного и пробуждает там то, что до сих пор дремало. Оно обнаруживает спрятанное сокровище, из которого все-

⁴⁵ См.: Юнг К. Г. Символы трансформации. М., 2000. Ср. также: Юнг К. Г. Понятие коллективного бессознательного // Юнг К. Г. Структура психики и процесс индивидуации. М., 1996. С. 10–17.

⁴⁶ Jung C. Symbole der Wandlung. 1952 // Ges. Werke, Bd. 5; Psychologische Typen. 1950. S. 567 ff. Ges. Werke, Bd. 6, Par. 759 ff. Ср. в: Von den Wurzeln des Bewußtseins, 1954, статьи: Über die Archetypen des kollektiven Unbewußten. S. 3 ff. Ueber den Archetypus mit besonderer Berücksichtigung des Animabegriffes. S. 57 ff. Die Psychologischen Aspekte des MutterArchetypus. S. 87 ff. Ges. Werke, Bd. 9, I. In Kerényi und Jung, Einführung in das Wesen der Mythologie, Zur Psychologie des KindArchetypus. S. 103 ff. Zum psychologischen Aspekt der Kore-Figur. S. 215 ff. Ges. Werke, Bd. 9, I. Комментарий к: Wilhelm. Das Geheimnis der goldenen Blüte, 1929. Ges. Werke, Bd. 13. Рус. пер. – Юнг К. Г. Символы трансформации. М., 2000. Психологические типы. СПб., 1995. Часть 2. Определение. Гл. 5. Архетипы коллективного бессознательного Юнг К. Г. Структура психики и процесс индивидуации. М., 1996. С. 139–155; Об архетипе и в особенности о понятии анима // Там же. С. 17–30; Психологические аспекты архетипа матери // Там же. С. 30–51; Психология архетипа ребенка // Там же. С. 51–72; Психологический аспект фигуры Керы // Там же. С. 72–87.

⁴⁷ Коллективное бессознательное представляет собой объективное психическое, а личное бессознательное – субъективное психическое.

⁴⁸ Под тенью я имею в виду «негативную» сторону личности, всю сумму скрытых, невыгодных свойств, недостаточно развитых функций и содержаний личного бессознательного. Обобщающий обзор см.: Wolff T Einführung in die Grundlagen der komplexen Psychologie / Studien zur C. G. Jungs Psychologie, 1959. S. 151 ff.

⁴⁹ См.: Al^{me}es zur Komplextheorie // Uder tuttdart. 1893. S. 213. Brief an psychische Energetik und das Wesen der Träume, 1948. Ges. Werke. Bd. 8. Рус. пер. – Юнг К. Г. Обзор теории комплексов / Юнг К. Г. Синхронистичность. К., 1998.

гда черпало человечество, из которого оно извлекло своих богов и демонов и все те убедительные и могущественные мысли, без которых человек перестает быть человеком.

Возьмем, к примеру, одну из величайших мыслей, порожденных XIX в., – идею сохранения энергии. Роберт Майер – подлинный создатель этой идеи – был врачом, а вовсе не физиком или натурфилософом, хотя выдвинутые им идеи скорее более свойственны последним. Однако весьма важно понять, что идея Майера, строго говоря, не была «создана». Не могла она появиться и в результате слияния существовавших тогда представлений или научных гипотез; она выросла в сознании своего творца, подобно растению. По этому поводу Майер в 1844 г. писал Гривингеру следующее:

«Эту теорию я вовсе не высидел за письменным столом... [Далее он сообщает о некоторых физиологических наблюдениях, которые он сделал в 1840/1841 гг. в качестве судебного врача.] Для прояснения физиологических аспектов необходимо знать кое-что о физических процессах, если вы не предпочитаете рассматривать суть дела с метафизической точки зрения: последняя лично мне внушает бесконечное отвращение. Поэтому я придерживался физики и с такой страстью отдавался своему предмету, что – хотя многие из-за этого могут посмеяться надо мной – мало интересовался тем далеким местом на Земле, на котором мы пребывали, а предпочитал оставаться на борту, где мог работать без перерыва и где в некоторые часы чувствовал себя как бы вдохновенным настолько, что не могу припомнить ничего подобного ни до, ни после. Некоторые мысли, как молнии пронзившие мое сознание (это было на рейде в Сурабайе), я подвергал немедленному тщательному исследованию, что в свою очередь приводило меня к новым предметам. Прошло немало времени, однако спокойное размышление над тем, что тогда проявилось во мне, привело меня к выводу, что это – истина, которую не только можно чувствовать субъективно, но которую можно также объективно доказать; но может ли это сделать столь мало сведущий в физике человек – этот вопрос я, естественно, должен оставить открытым»⁵⁰

В своей книге по энергетике Хельм выражает мнение, что «новая мысль Роберта Майера выделилась из традиционного понятия силы не постепенно, в результате глубокого продумывания, а принадлежит тем интуитивно постигаемым идеям, которые, вытекая из других сфер духовного труда, как бы застигают мышление врасплох и принуждают его в соответствии с ними преобразовывать традиционные понятия»⁵¹.

Здесь возникает вопрос: каково происхождение той новой идеи, которая навязала себя сознанию, подобно стихии, которая смогла настолько его захватить, что полностью отвлекла его от всех многообразных впечатлений первого путешествия по тропикам? На эти вопросы ответить вовсе не легко. Но если мы применим к этому случаю нашу теорию, то объяснение может быть следующим: идея энергии и ее сохранения должна быть изначальным образом, дремлющим в коллективном бессознательном. Этот вывод требует, естественно, доказательства, что такого рода изначальный образ действительно существовал в ментальной истории человечества и был действенным на протяжении тысячелетий. Подобное доказательство совсем не трудно привести: древние религии в самых различных уголках Земли базируются на этом образе. Это – так называемые динамистические религии, единственная и определяющая мысль которых заключается в том, что повсюду существует разлитая магическая

⁵⁰ Mayer R. Kleinere Schriften und Briefe. Stuttgart, 1893. S. 213. Brief an Wilhelm Griesinger. 16. Juni, 1844.

⁵¹ Helm G. F. Die Energetik nach ihrer geschichtlichen Entwicklung. Leipzig, 1898. S. 20.

сила⁵², вокруг которой вращается все. Тэйлор, известный английский исследователь, а также Фрэзер неверно воспринимали эту идею как анимизм. В действительности же первобытные люди со своим понятием силы вовсе не имели в виду души или духов, а подразумевали нечто, что американский исследователь Лавджой⁵³ весьма метко обозначил как «первобытная энергетика». Это понятие соответствует идее души, духа, Бога, здоровья, телесной силы, плодородия, магии, влияния, власти, авторитета, медицины, а также идее известных чувственных состояний, характеризующихся аффектами. Для некоторых полинезийцев *мулунгу* именно это первобытное понятие силы-энергии означает: дух, душа, демонизм, магия, авторитет; и когда происходит что-либо необычное, то люди кричат: «Мулунгу!» Это понятие силы является также самой ранней формой образа Бога у первобытных людей. На протяжении истории этот образ получал развитие во все новых и новых вариациях. В Ветхом Завете магическая сила высвечивается в пылающем терновом кусте и в лице Моисея; в Евангелиях – в образе Святого Духа в виде исходящих с неба огненных языков. У Гераклита она выступает как мировая энергия, как «вечно живущий огонь»; у персов это огненный блеск «хаомы», божественной благодати; у стоиков – изначальное тепло, сила судьбы. В средневековой легенде она выступает как аура или halo, ореол святости, и в виде пламени вырывается из-под крыши шатра, где в экстазе лежит святой. Святые, галлюцинируя, воспринимают эту силу как Солнце, полноту света. В соответствии с древним воззрением сама душа есть эта сила; в идее бессмертия души заключено представление о ее сохранении, а в буддийском и первобытном представлении о метемпсихозе заключено видение ее неограниченной способности к превращениям при неизменном сохранении.

Эта идея, таким образом, запечатлелась в человеческом мозгу уже миллионы лет назад. Поэтому она в готовом виде заложена в бессознательном каждого. Требуются лишь определенные условия для того, чтобы снова заставить ее проявиться. Эти условия в случае Роберта Майера, очевидно, оказались выполненными. Величайшие и наилучшие мысли человечества формируются на базе этих изначальных образов, выступающих в качестве первичного клише или рисунка. Меня часто спрашивают о том, каково же происхождение этих архетипов, или первообразов. Мне кажется, что их происхождение может быть объяснено лишь при допущении того, что они представляют собой отражение постоянно повторяющегося опыта человечества. Одно из самых обычных и вместе с тем самых впечатляющих переживаний, данных человеческому опыту, – это ежедневное являющееся глазу движение солнца. Мы во всяком случае не можем обнаружить в бессознательном ничего имеющего к этому отношения до тех пор, пока речь идет об известном нам физическом процессе. Однако мы обнаруживаем миф о солнечном герое во всех его бесчисленных вариациях. И именно миф, а не физический процесс есть реальность, образующая архетип Солнца. То же самое можно сказать о фазах Луны. Архетип есть своего рода готовность снова и снова репродуцировать те же самые или сходные мифические идеи. Следовательно, дело обстоит так, что запечатлеваемое в бессознательном является исключительно субъективным представлением фантазии, вызванным физическим процессом. Можно было бы поэтому предположить, что архетипы суть многократно повторяющиеся отпечатки субъективных реакций⁵⁴. Естественно, это допущение только уводит от решения проблемы. Ничто не мешает нам предположить, что некоторые архетипы существуют уже у животных и что они, следовательно, основываются на особенностях живого организма вообще и, таким образом, представляют непосредственное выражение жизни, природа которой уже не поддается дальнейшему объяснению. Как представляется, архетипы – это не только отпечатки постоянно повторяющихся сход-

⁵² Обычно называемая мана. Ср.: *Soederblom N. Das Werden des Gottesglaubens*, 1916.

⁵³ *Lovejoy Arthur O. The Fundamental Concept of the Primitive Philosophy / The Monist. Vol. XVI. 1906. P. 361.*

⁵⁴ Ср.: *Jung C. Die Struktur der Seele / Seelenprobleme der Gegenwart. 1950. S. 127. Ges. Werke. Bd. 8.*

ных переживаний, но вместе с тем они эмпирически ведут себя как силы или тенденции к повторению тех же самых переживаний. Дело в том, что всегда, когда некоторый архетип появляется в сновидении, в фантазии или в жизни, он приносит с собой некоторое особое «влияние» или силу, благодаря которой его воздействие имеет нуминозный, т. е. зачаровывающий либо побуждающий к действиям эффект.

Показав на этом примере, как новые идеи появляются из сокровищницы изначальных образов, продолжим изложение процесса переноса. Мы видели, что именно в таких, по видимости, нелепых и странных фантазиях либидо обрело свой новый объект – содержание коллективного бессознательного. Как я уже говорил, проекция изначальных образов на доктора является опасной для дальнейшего лечения, и ее нельзя недооценивать на этой стадии лечения. Эти образы содержат в себе не только все самое прекрасное и великое, что когда-либо мыслило и чувствовало человечество, но также и все те наихудшие подлости и всевозможную дьявольщину, на которые только способны люди. Благодаря своей специфической энергии – поскольку эти образы соотносятся как заряженные силой автономные центры – они оказывают зачаровывающее, захватывающее воздействие на разум и вследствие этого могут производить в субъекте сильные изменения. Это можно наблюдать в религиозных обращениях (конверсиях), в случаях суггестивного воздействия и в особенности при возникновении определенных форм шизофрении⁵⁵. Так что если пациент не может отличить личность врача от этих проекций, то в конечном счете теряется всякая возможность взаимопонимания и человеческие отношения оказываются невозможными. Но, если пациент избегает этой Харибды, он терпит крушение у Сциллы, интроецируя эти образы; другими словами, он приписывает их свойства не доктору, а себе самому. Это также разрушительно. В случае проекции он колеблется между экстравагантным и болезненным обожествлением своего доктора и презрением, ненавистью к нему. В случае интроекции он впадает в смешное самообожествление или моральное самоуничужение. Эта ошибка, которую он совершает в обоих случаях, исходит из приписывания той или иной личности содержаний коллективного бессознательного. Таким образом, он превращает другого или себя самого в бога или дьявола. Здесь проявляется характерное действие архетипа: он захватывает психическое своеобразной первобытной силой и вынуждает ее выйти за пределы человеческого. Он вызывает утрату чувства меры, инфляционную установку (напыщенность, раздутость, потерю свободного волеизъявления, манию, иллюзию и энтузиазм как в положительном, так и в отрицательном смысле). Это та самая причина, по которой люди всегда нуждались в демонах и не могли жить без богов, за исключением некоторых особенно умных видов типа *homo occidentalis*⁵⁶ вчерашнего и позавчерашнего дня, сверхчеловеков, у которых «бог умер», поскольку они сами сделались богами, хотя и крошечными божками, с крепкими черепами и холодными сердцами. Ведь идея бога – совершенно необходимая психологическая функция иррациональной природы, которая вообще не имеет отношения к вопросу о существовании бога. Человеческий интеллект никогда не сможет ответить на этот вопрос; еще менее он способен дать какое-либо доказательство бытия бога. Кроме того, само такое доказательство излишне, так как идея всемогущего, божественного бытия наличествует повсюду, если не осознанно, то по крайней мере бессознательно, ибо она есть некоторый архетип. В нашем психическом есть нечто от высшей власти – и если это не осознанный бог, тогда, по крайней мере, это – «чрево», как говорит апостол Павел. Поэтому я считаю более мудрым осознанно признать идею бога; ибо в противном случае богом просто становится нечто другое, как правило, нечто весьма неудовлетворительное и глупое, что бы там ни выдавливал из

⁵⁵ Подробно проанализированный случай см.: *Jung C. Symbols of Transformation*. Рус. пер. – Юнг К. Г. Символы трансформации. М., 2000. См. также: *Nelken J. Analytische Beobachtungen über Phantasien eines Schizophrenen // Jahrbuch für psychoanalytische und psychopathologische Forschungen*. 1912. Bd. 4. S. 504.

⁵⁶ Западный человек (*лат.*).

себя «просвещенный» интеллект. Наш разум уже давным-давно знает, что мы не можем правильно мыслить бога, не говоря уже о том, чтобы представить его в той или иной существующей форме. Раз и навсегда нужно признать, что существование бога – это такой вопрос, на который нельзя ответить. Но в *consensus gentium*⁵⁷ извечно возникала мысль о богах и будет возникать о них и впредь. Сколь бы прекрасным и совершенным по праву ни считал человек свой разум, он всегда вправе быть также уверенным, что разум – это всего лишь одна из возможных ментальных функций, соответствующая лишь одной стороне феноменального мира. Со всех сторон нас окружает иррациональное, не согласующееся с разумом. И это иррациональное также есть психологическая функция, другими словами, коллективное бессознательное, тогда как рациональное, по существу, связано с сознательным разумом. Сознание должно обладать разумом, чтобы перво-наперво открывать некоторый порядок в хаосе неупорядоченных индивидуальных событий в мире, а затем – по крайней мере в человеческих делах – соблюдать этот порядок. Мы несем в себе похвальное и полезное стремление к тому, чтобы по возможности искоренить в нас и вне нас хаос иррационального. По-видимому, этот процесс идет довольно успешно. Один душевнобольной мне однажды сказал: «Господин доктор, сегодня ночью я продезинфицировал сулемой все небо и при этом не обнаружил никакого бога». Нечто подобное происходило и с нами.

Старик Гераклит, будучи действительно великим мудрецом, открыл самый поразительный из всех психологических законов: регулятивную (упорядоченную) функцию противоположностей. Он назвал ее энантидромией (*Enantiodromia*=бегущий навстречу), имея в виду, что все переходит в свою противоположность. (Я напому здесь рассмотренный выше случай американского бизнесмена, прекрасно демонстрирующий, что такое энантидромия.) Так, рациональная культурная установка необходимо переходит в свою противоположность, а именно в иррациональное культурное опустошение⁵⁸. Мы никогда не должны идентифицировать себя с разумом, ибо человек не является и не будет являться порождением одного только разума. На это следует обратить внимание всем школьным наставникам. Иррациональное не может и не должно быть искоренено. Боги не могут и не должны умереть. Я только что сказал, что в человеческой психике, по-видимому, всегда присутствует нечто подобное некоторой высшей власти, и если это не идея бога, то тогда это «чрево». Я хочу отметить, что тот или другой базовый инстинкт или комплекс идей неизменно концентрирует на себе максимальную сумму психической энергии, тем самым принуждая Эго служить ему. Обычно Эго настолько втягивается этим энергетическим фокусом, что идентифицирует себя с ним, и ему кажется, будто оно вообще ничего другого не желает и ни в чем другом не нуждается. Так возникает мания, мономания, или одержимость, сильнейшая односторонность, грозящая серьезнейшим образом нарушить психическое равновесие. Без сомнения, в способности к такой односторонности кроется тайна определенных успехов, почему цивилизация и стремится усердно культивировать подобные односторонности. Страсть, т. е. концентрация энергии, заключающаяся в таких мономаниях, есть то, что древние называли тем или иным «богом», и в обыденной речи мы поступаем точно так же. Разве мы не говорим: «Он делает бога из того или из этого»? Человек думает, что он еще совершает волевые акты и выбирает и не замечает, что он уже одержим, что его интерес уже стал его господином, надменно присвоившим себе всю власть. Такие интересы становятся своего рода богами, которые, если они признаны многими, постепенно образуют «церковь» и собирают вокруг себя общину верующих. Тогда это называется «организацией». За организацией следует дез-

⁵⁷ Согласие родов (*лат.*).

⁵⁸ Эта фраза написана во время Первой мировой войны. Я сохранил ее в первоначальной форме, потому что она содержит истину, которая не однажды подтвердилась в ходе истории. (Написано в 1925 г.) Как показывают современные события, подтверждение не заставило себя долго ждать. Кто же хочет этого слепого разрушения?.. Но все мы с величайшим рвением помогаем этому демону. *O sancta simplicitas!* [О святая простота!] (Написано в 1942 г.)

организуемая реакция, стремящаяся «вышибить дьявола Вельзевулом», то есть вышибить клин клином. Собственно, энантиодромия, угрожающая всегда, когда движение достигло несомненной власти, не дает решения проблемы, она столь же слепа в своей дезорганизации, как и в своей организации.

Единственный, кто ускользает от жестокого закона энантиодромии, – это тот, кто умеет отличать себя от бессознательного не с помощью вытеснения, ибо тогда бессознательное просто овладевает таким человеком исподволь, а ставя его непосредственно перед собой и делая видимым как нечто отличающееся от него.

Тем самым уже готовится разрешение той проблемы Сциллы и Харибды, которую я описал выше. Пациент должен научиться различать, что есть Эго и что есть не-Эго, т. е. коллективное психическое. Тем самым он получает материал, с которым ему с этого момента еще долго предстоит разбираться. Его энергия, которая раньше была заключена в негодных, патологических формах, нашла теперь свою подобающую сферу. При дифференциации Эго от не-Эго существенным является укоренность человека в своей Эго-функции, т. е. в исполнении своего долга по отношению к жизни, в том, что он во всех аспектах есть жизнеспособный член человеческого общины. Все то, чем он в этом отношении пренебрегает, приходится на долю бессознательного и усиливает позицию последнего, так что он подвергается опасности быть поглощенным бессознательным. Но за это полагаются тяжелые наказания. Как намекает Синесий, именно «вдохновенная душа» (шеицатжр фикр) становится богом и демоном и в качестве таковой претерпевает в этом состоянии божественные наказания, подобно Загрею. Нечто подобное испытал и Ницше в начале своей душевной болезни. Энантиодромия есть разорванность на пары противоположностей, которые являются атрибутами бога и, следовательно, обожествленного человека, который благодаря богоподобности преодолевает своих богов. Коль скоро мы говорим о коллективном бессознательном, мы находимся в такой сфере и на такой ступени проблемы, которая вначале не принимается во внимание при практическом анализе в применении к молодым людям или тем, кто слишком долго пребывает на инфантильной стадии. Там, где имаго отца и матери еще предстоит преодолеть, где еще предстоит овладеть некоторой частью внешней жизни, которой естественным образом обладает обычный средний человек, там мы предпочитаем не говорить о коллективном бессознательном и о проблеме противоположности. Но в тех случаях, когда переносы образов родителей и юношеские иллюзии преодолены или по крайней мере созрели для преодоления, мы должны говорить о проблеме противоположности и о коллективном бессознательном. Здесь мы находимся за пределами значимости редукций Фрейда и Адлера; ибо здесь нас уже не занимает вопрос, как можем мы устранить все то, что мешает человеку осуществлять свою профессиональную деятельность, или вступать в брак, или делать нечто такое, что означает развитие жизни, но перед нами стоит задача найти тот смысл, который делает возможным продолжение жизни вообще, поскольку жизнь должна быть чем-то большим, чем только лишь покорность, смирение и печальный взгляд в прошлое.

Наша жизнь напоминает движение Солнца. Утром оно непрерывно набирает силу до тех пор, пока, наконец, лучистое и горячее, не достигает зенита. Тогда наступает энантиодромия. Его непрерывное движение вперед уже означает не прибавление силы, а убавление. Таким образом, когда речь идет о молодом человеке, задача стоит иная, нежели в случае человека стареющего. В первом случае достаточно устранить все препятствия, мешающие развитию и подъему; во втором мы должны стимулировать все то, что оказывает поддержку при спуске. По-юношески неопытный человек, возможно, думает, что пожилых можно оставить в покое, что с ними уже все равно ничего больше не случается, что жизнь у них позади и они годятся еще лишь на то, чтобы служить окаменелыми опорами прошлого. Но было бы большим заблуждением полагать, что, например, жизнь женщины исчерпана с наступ-

лением менопаузы. Вторая, послеполуденная половина человеческой жизни столь же богата смыслом, как и первая; только ее смысл и замысел совсем иные⁵⁹. Человек имеет две цели; первая – природная, порождение потомства и все дела, связанные с заботой о нем, к которым относятся также материальное и социальное положение. Если эта цель исчерпана, то начинается другая фаза – культурная цель. В достижении первой цели помогает природа и, кроме того, воспитание и образование; в достижении последней цели нам помогает очень немногое или даже совсем ничто. Часто господствует даже ложное тщеславие, требующее, чтобы старец был подобен юноше или чтобы он, по крайней мере, действовал подобным образом, хотя внутренне он уже и не способен на это. Поэтому для столь многих людей переход от природной к культурной фазе оказывается бесконечно тяжелым и горьким; они цепляются за юношеские иллюзии или же за своих детей, чтобы таким образом спасти еще хоть кусочек юности. Мы наблюдаем это у матерей, которые видят смысл своей жизни исключительно в детях и думают, что жизнь их превратится в беспочвенное ничто, если им придется расстаться с детьми. Поэтому нет ничего удивительного в том, что многие тяжелые неврозы возникают в начале послеполуденного периода жизни. Это – своего рода второй пубертатный период или второй период бури и натиска, нередко сопровождающийся всеми взрывами страстей, – «опасный возраст». Однако проблемы, встающие в этом возрасте, уже нельзя решить с помощью старых рецептов, стрелку этих часов нельзя перевести назад. То, что молодежь находила и должна была находить снаружи, человек послеполуденного периода должен найти внутри. Здесь перед нами встают новые проблемы, которые нередко заставляют доктора основательно поломать голову.

Переход от утра к послеполуденному периоду означает переоценку прежних ценностей. У человека возникает настоятельная необходимость признать ценность того, что составляло противоположность его прежних идеалов, убедиться в ошибочности прежних убеждений, признать неистинность прежней истины и почувствовать, сколько сопротивления и даже враждебности заключало в себе то, что прежде называлось любовью. Многие из тех, кто оказался втянутым в конфликты противоположности, отбрасывают все то, что они раньше считали благим и достойным стремления, и пытаются продолжать жизнь в полной противоположности к своему прежнему Эго. Смена профессии, разводы, религиозные обращения, разные виды отступничества являются симптомами этого резкого перемещения в противоположность. Отрицательным моментом в столь радикальном переходе в противоположность является то, что прежняя жизнь вытесняется и тем самым порождается столь же несбалансированное состояние, какое было, и то прежнее состояние, когда противоположности сознательных добродетелей и ценностей были еще подавленными и бессознательными. Подобно тому как раньше невротические нарушения происходили, возможно, вследствие бессознательности противоположных фантазий, так и теперь опять-таки возникают нарушения благодаря вытеснению прежних идолов. Конечно, было бы большим заблуждением полагать, что если мы распознаем в некоторых ценностях отсутствие подлинной ценности или видим в некоторой истине не-истину, то в таком случае ценность или истина перестают существовать. Они делаются относительными. Все человеческое относительно, потому что все основывается на внутренней противоположности, ибо все есть явление энергии. Энергия же по необходимости основывается на некоторой прежней противоположности, без которой никакая энергия невозможна. Всегда должны быть высокое и низкое, горячее и холодное и т. д., чтобы мог иметь место процесс выравнивания, который и представляет собой энергия. Поэтому стремление к отрицанию всех ценностей в пользу их противоположности – это такое же преувеличение, как и прежняя односторонность. И так

⁵⁹ Jung C. Die Lebenswende // Seelenprobleme der Gegenwart. 1950. S. 220 ff. Ges. Werke. Bd. 8; Jung C. The Stages of Life / CW. 8.

как речь идет об общепринятых и несомненных ценностях, которые отныне отвергаются, то результатом оказывается фатальная потеря. Кто действует подобным образом, тот вместе со своими ценностями выбрасывает за борт и самого себя, как уже сказал об этом Ницше.

Вопрос заключается не в переходе в противоположность, а в сохранении прежних ценностей наряду с признанием их противоположности. Естественно, это означает конфликт и разлад с самим собой. Понятно, что люди избегают этого как на философском уровне, так и по моральным соображениям; поэтому чаще они пытаются искать выход в судорожном отстаивании предшествующей установки, чем переходить в противоположность. Следует признать, что в случае старения людей в этом действительно весьма несимпатичном явлении все же заключено и нечто положительное; они, по крайней мере, не становятся ренегатами, продолжают стоять прямо и не впадают в растерянность; они не становятся банкротами, а остаются лишь отмирающими деревьями или, говоря более деликатно, «опорами прошлого». Вместе с тем сопутствующие симптомы – косность, суженность сознания, ограниченность, нежелание этих «ревнителей старины» идти в ногу со временем – безрадостны, если не сказать вредоносны; ибо тот способ, каким они отстаивают некоторую истину или какую-либо ценность, является настолько косным и насильственным, что подобный дурной образ действия отталкивает сильнее, чем притягивает защищаемая истина, – благодаря чему достигается как раз нечто противоположное доброму намерению. То, что заставляет их впасть в косность, – это, в сущности, страх перед проблемой противоположности: они чувствуют близость «зловещего брата Медарда». Поэтому право на существование имеют только одна истина и только один руководящий принцип действия, который должен быть абсолютным; в противном случае он не обеспечивает защиты от грозящего падения, причины которого люди предчувствуют повсюду, кроме самих себя. В действительности же самый опасный революционер сидит в нас самих, и именно это должен знать тот, кто хочет безопасно перейти во вторую половину жизни. Это определенно означает переход от кажущейся уверенности, которой мы наслаждались до сих пор, к состоянию неуверенности, разлада, противоречивых убеждений. Худшим во всем этом является то, что, по видимости, отсюда нет выхода. «*Tertium non datur*», говорит логика, т. е. третьего не дано.

Практические потребности лечения больного побуждают нас поэтому к поиску средств и путей, которые могли бы вывести его из этого невыносимого состояния. Когда человек оказывается перед кажущимся непреодолимым препятствием, то он отступает назад: он осуществляет то, что технически называется регрессией. Он обращается к тем временам, когда находился в подобных ситуациях, с тем чтобы снова попытаться применить те средства, которые помогли ему тогда. Но то, что помогало в юности, в зрелом и пожилом возрасте оказывается бесполезным. Что хорошего принесло американскому бизнесмену, о котором говорилось выше, его возвращение к прежней работе? У него уже больше ничего не получалось. Поэтому регрессия продолжается и доходит до детства (многие пожилые невротики впадают в детство) и, наконец, до периода, предшествующего детству. Это звучит странно; но фактически речь идет не только о логике, но и обо всем возможном.

Ранее мы упомянули о том, что бессознательное содержит, так сказать, два слоя – личный и коллективный. Личный слой заканчивается самыми ранними детскими воспоминаниями; коллективное бессознательное, напротив, охватывает период, предшествующий детству, т. е. то, что сохранилось от жизни предков. В то время как образы памяти личного бессознательного как бы заполнены, ибо они являются образами индивидуально пережитыми, архетипы коллективного бессознательного представляют собой формы незаполненные, ибо они индивидуально не пережиты. С другой стороны, когда психическая энергия регрессирует, выходя за пределы даже периода раннего младенчества и вламываясь в наследие жизни предков, тогда пробуждаются мифологические образы; они-то и есть архе-

типы⁶⁰. Перед нами открывается некоторый духовный мир, о котором мы прежде ничего не подозревали, и выявляются содержания, находящиеся, возможно, в самом резком контрасте с нашими прежними представлениями. Эти образы обладают такой интенсивностью, что кажется вполне понятным, почему миллионы образованных людей впадают в теософию и антропософию. Так происходит просто потому, что эти современные гностические системы идут навстречу потребности в выражении этих внутренних, безмолвных событий в большей мере, нежели какая-либо из существующих форм христианской религии, не исключая католицизма. Последний, правда, способен в гораздо большей мере, чем протестантизм, выражать посредством догматических и культовых символов те факты, о которых у нас идет речь. Однако и католицизм не достигал в прошлом и не достигает ныне полноты прежнего языческого символизма, поэтому языческий символизм долго сохранялся и в столетия христианства, а затем постепенно перешел в известные подводные течения, которые никогда полностью не утрачивали своей силы от раннего средневековья до Нового времени. Языческая символика хотя и исчезала с поверхности и ушла далеко вглубь, однако, меняя свою форму, возвращалась и возвращается снова, чтобы компенсировать односторонность современной ориентации сознания⁶¹. Наше сознание настолько пропитано христианством, настолько почти всецело сформировано им, что бессознательная противоположная позиция не может быть принята в нем, и притом просто потому, что она слишком противоречит основным господствующим воззрениям. Чем более односторонне, косно и безусловно удерживается одна позиция, тем более агрессивной, враждебной и непримиримой будет другая, так что вначале их примирение имеет мало шансов на успех. Но если сознательный разум допускает по крайней мере относительную значимость всякого человеческого мнения, то и противоположность отчасти утрачивает свою непримиримость. Между тем эта противоположность ищет для себя подходящее выражение, например, в восточных религиях: буддизме, индуизме и даосизме. Синкретизм теософии в значительной мере идет навстречу этой потребности, и этим объясняется ее широкий успех.

Работа, связанная с аналитическим лечением, позволяет выявить переживания архетипической природы, требующие своего выражения и оформления. Разумеется, это не единственная возможность для осуществления такого рода опыта; архетипические переживания нередко возникают спонтанно, и притом отнюдь не только в случае «психологически мыслящих» людей. Нередко о самых удивительных снах и видениях мне доводилось слышать от людей, в душевном здоровье которых не мог сомневаться даже специалист. Переживание архетипа люди часто оберегают как самую глубокую личную тайну, так как чувствуют, что оно задевает сокровеннейшие глубины их существа. Это – своего рода праопыт «не-Эго» некоторого внутреннего оппонента, вызывающего на спор. Понятно, что в таких случаях прибегают к помощи параллелей, причем случается так, что первоначальное событие перетолковывается в духе заимствованных представлений. Типичный случай такого рода – видение Троицы у брата Николая из Флюе⁶² или видение многоглазой змеи у св. Игнатия, которое он истолковал сначала как божественное, а затем – как дьявольское явление. С помощью таких иносказательных толкований подлинное переживание замещается почерпнутыми из

⁶⁰ Внимательный читатель отметит, что здесь в понятие архетипа привносится новый элемент, не упоминавшийся ранее. Это привнесение означает, однако, не какую-то нечаянную неясность, а намеренное расширение понятия архетипа посредством введения в него столь важного для индийской философии кармического фактора. Аспект кармы существенно необходим для более глубокого понимания природы архетипа. Не вдаваясь в подробное описание этого фактора, я хотел по крайней мере упомянуть о его существовании. Моя идея архетипа подвергалась суровой критике. Я вполне допускаю, что эта идея достаточно противоречива и способна немало озадачить. Однако мне всегда было весьма любопытно, с помощью какого же понятия собирались мои критики выразить тот опытный материал, о котором идет речь.

⁶¹ См. мою статью: *Paracelsus als geistige Erscheinung / Ges. Werke. Bd. 13.* Рус. пер. Юнг К. Г. Психология и алхимия. Киев, 1998.

⁶² См. мою статью: *Brüder Klaus. Ges. Werke. Bd. 11.*

чужого источника образами и словами, а также воззрениями, идеями и формами, которые, как это бывает, выросли не на нашей почве и связаны главным образом не с нашим сердцем, а лишь с нашей головой, которая даже не может их отчетливо помыслить, так как никогда не смогла бы их изобрести. Это подобно случаю с краденым добром, которое не идет впрок. Суррогат превращает людей в тени и делает их нереальными; они ставят пустые слова на место живой действительности и выскальзывают из болезненного напряжения противоположностей в некий бледный, двухмерный призрачный мир, где все живое и творческое увядает и умирает.

Случаи безмолвия, вызванные регрессией и актуализирующие доинфантильный период, требуют не замещения, а индивидуального оформления в жизни и деятельности отдельного человека. Эти образы из жизни, страданий и радостей предков снова стремятся вернуться в жизнь и как переживание, и как деяние. Однако в силу своей противоположности сознательному разуму они не могут непосредственно переводиться в наш мир; следовательно, должен быть найден опосредованный путь, соединяющий сознательную и бессознательную реальность.

VI. Синтетический, или конструктивный, метод

Процесс анализа бессознательного есть мучительный труд, работа, включающая в себя не только действие, но и страдание. Эта работа получила название «трансцендентная функция»⁶³, поскольку она представляет собой функцию, опирающуюся на реальные и воображаемые (или рациональные и иррациональные) данные и тем самым служащую мостом через зияющую пропасть между сознанием и бессознательным. Трансцендентная функция обозначает естественный процесс, проявление энергии, являющейся результатом напряженного взаимодействия противоположностей и состоящей в чередовании процессов фантазирования, спонтанно возникающих в снах и видениях. Этот же процесс можно наблюдать и на начальных стадиях некоторых форм шизофрении. Классическое описание такого процесса содержится, например, в автобиографическом изложении Жерара де Нерваля в романе «Аврелия». Наиболее значительным литературным примером служит II часть «Фауста»⁶⁴. Естественный процесс объединения противоположностей послужил мне моделью и основой метода, который, по существу, состоит в том, что мы намеренно вызываем наружу и интегрируем в сознание и его перспективу то, что в природе происходит бессознательно и спонтанно. Неприятности многих больных состоят именно в том, что у них отсутствуют средства и пути к духовному овладению происходящими с ними событиями. Здесь требуется медицинская помощь в виде особого метода лечения.

⁶³ Мне удалось обнаружить, что понятие трансцендентной функции встречается также в высшей математике как название функции реальных и мнимых чисел. См. статью: Die transzendente Funktion / Geist und Werk. Rhein – Fertag, Zürich, 1958. Ges. Werke, Bd. 8.

⁶⁴ См. анализ одной серий сновидений: Юнг К. Г. Психология и алхимия. Киев, 1998.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.